

Н. Левитский

К вопросу о времени крещения
св. Владимира и Руси

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 5-6. С. 596-648.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Русн.

(По поводу предстоящаго 900-лѣтнаго юбилея).

«Богъ приведенъ просвѣти сердце князю руския земля Володамеру пріяти святое крещеніе... И вса людіе руския земля познаша Бога!.. Върадовашася Ангельстии чини, амыѣ радуются яврни». *Мнѣтъ Іаковъ.*

Въ самомъ непродолжительномъ времени въ нашемъ отечествѣ совершится великое и знаменательное торжество въ воспоминаніе приснопамятнаго событія—крещенія земли русской и равноапостольнаго князя ея св. Владиміра. Истекаетъ уже девятое столѣтіе съ того величайшаго историческаго момента, когда Премудрому и Всеблагому Промыслу благоугодно было озарить наше дорогое отечество свѣтомъ христіанства и причислить великую русскую землю къ православной восточной церкви. Такое знаменательное событіе конечно должно быть вѣчно памятнымъ для каждаго истинно-русскаго, истинно-православнаго человѣка и нужно ли говорить о томъ, что на насъ лежитъ обязанность достойно почтить приближающійся юбилей, отпраздновать его торжественно, какъ начало нашего возрожденія къ новой жизни подъ сѣнію св. православія, на которомъ, какъ на недвижномъ камнѣ, зиждется цѣлость, несокрушимость и мощь Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, — торжество будетъ вполне соответствовать величію воспоминаемаго событія, и многомилліонная Русь едиными устами возблагодаритъ Бога и св. князя Владиміра, какъ своего просвѣтителя, за его равноапостольный подвигъ.

И дѣйствительно, сколько намъ извѣстно, давно уже идутъ

дѣятельныя приготовленія къ предстоящему юбилейному торжеству, центрами котораго будутъ Кіевъ, мать городовъ русскихъ, и Херсонесъ, какъ мѣсто крещенія св. Владиміра, по рассказамъ нашей начальной лѣтописи.

Если не ошибаемся, начинъ въ дѣлѣ устроенія юбилейнаго праздника принадлежитъ славянскому благотворительному обществу. Еще въ 1886 году, въ своемъ засѣданіи 23 марта, оно выработало программу праздника, который, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть исключительно церковный характеръ; еще тогда юбилейнымъ годомъ назначенъ 1888, а день празднованія—15 іюля, когда совершается память равноапостольнаго князя Владиміра, и въ настоящее время, по распоряженію высшей духовной власти, указано тоже число юбилейнаго торжества.

Славянскому обществу было желательно опредѣлить, если можно, день, когда дѣйствительно совершилось крещеніе кіевлянъ; оно и поручило сдѣлать это выбранной комиссіи, но всѣ попытки послѣдней рѣшить предложенный вопросъ оказались безуспѣшными: древнѣйшіе памятники письменности не даютъ возможности даже приблизительно указать искомое число. Во всякомъ случаѣ достойна полной похвалы та тщательность, съ которою общество старалось избрать день для торжества. Остается только пожалѣть, что тоже общество не обратилось къ изысканію, какой дѣйствительно и несомнѣнно годъ долженъ быть признанъ годомъ крещенія и св. Владиміра и Руси. Впрочемъ, можетъ быть оно не находило нужнымъ подвергать сомнѣнію авторитетность лѣтописной даты и потому не сочло необходимымъ дѣлать относящіяся сюда провѣрки; а между тѣмъ въ настоящее именно время вопросъ о времени крещенія Руси и требуетъ новаго пересмотра.

Однако мы вовсе не хотимъ сказать, что юбилейное торжество должно быть перенесено съ 1888 г. на какой-нибудь другой годъ, напримѣръ, 1889, къ каковой мысли склонялись представители высшаго кіевскаго духовенства ¹⁾ и чего требовали нѣкоторые органы печати ²⁾; напротивъ, по нашему мнѣнію, въ наступаю-

¹⁾ См. Церк. Вѣст. № 31, 1887 г.

²⁾ См. Нов. Вр. № 4219.

щемъ 1888 г. лучше всего праздновать юбилей 900-лѣтія крещенія Кіева. Прежде всего, далеко еще не всѣ согласны, что 989 г. былъ годомъ начала крещенія Руси, а потому вся грамотная Россія еще съ школьной скамьи свыклась съ мыслию, что св. кіевскій князь и самъ крестился и началъ крещеніе нашего отечества именно въ 988 г. Наконецъ перенесеніе юбилея съ предвѣначеннаго срока на годъ позже безрезультатно и излишне: отъ этого не можетъ измѣниться ни характеръ праздника, ни его торжественность, словомъ юбилей не сдѣлается инымъ. Такъ по крайней мѣрѣ представляется дѣло съ точки зрѣнія церковнаго празднованія воспоминаемаго событія.

Совершенно не такъ должна поступать въ данномъ случаѣ церковно-историческая наука. Она не должна ограничиваться рѣшеніями только вѣроятными, не должна располагать факты только приблизительно, не сдѣлавъ предварительно попытки установить ихъ точно, и на ней-то лежитъ священная обязанность выяснить событіе крещенія Руси, на сколько позволяютъ источники, опредѣленно и обстоятельно.

Конечно къ предстоящему юбилею появится обширная и разнообразная литература, начало которой уже положено нѣсколькими журнальными и газетными статьями ¹⁾, и нужно желать, чтобы побольше было такихъ серьезныхъ изслѣдованій, которыя пролили бы яркій свѣтъ на начальную исторію христіанства въ нашемъ отечествѣ. Подобныя изслѣдованія, не смотря на существованіе солидныхъ и ученыхъ трудовъ, не только не лишні, но и необходимы, особенно въ виду того обстоятельства, что многіе вопросы нашей древнѣйшей исторіи не всегда рѣшаются съ должнымъ и желаемымъ единодушіемъ, а потому не могутъ считаться поконченными и порѣшенными. Къ числу такихъ вопросовъ относится и тотъ, на которомъ мы хотимъ остановиться, а именно: когда (и гдѣ) крестился св. Владиміръ и когда начато имъ крещеніе земли русской? — Одинаковый ли отвѣтъ дается на этотъ, естествен-

¹⁾ Такія статьи помѣщались въ «Труд. Кіевск. дух. акад.», 1886 г.; въ Кіевск. Стар. 1887 г.; Русск. Вѣд. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть эти ст. въ виду.

ный для каждаго, вопросъ? Далеко нѣтъ и пока вопросъ остается вопросомъ; трудно даже сказать, когда онъ будетъ рѣшенъ утвердительно и окончательно. Дальнѣйшія работы по этому предмету, слѣд., не исключаются; они даже желательны въ интересахъ исторической правды.

Предоставляя окончательное рѣшеніе интересующаго насъ вопроса будущему, мы съ своей стороны желали бы, насколько можемъ, своими замѣчаніями поспособствовать его (вопроса) уясненію на основаніи доступныхъ намъ историческихъ данныхъ и выводовъ науки.

Вопросъ о мѣстѣ крещенія св. Владиміра и тѣсно связанный съ нимъ, какъ сейчасъ скажемъ, вопросъ о времени крещенія съ давнихъ поръ принадлежитъ къ числу спорныхъ. Еще авторъ повѣсти, читаемой теперь въ лѣтописи, жившій не позднѣе XII в., засвидѣтельствовалъ, какое разнообразіе мнѣній по этому вопросу существовало въ его время. Одни говорили, передаетъ онъ, что Владиміръ „крестился есть в Кіевѣ, инни же рѣша: въ Василевѣ, друзии же рѣша, инако сказующе“¹⁾; а самъ этотъ авторъ повѣсти раздѣлялъ убѣжденіе, что крещеніе русскаго князя послѣдовало въ Корсуни. Правда, это споръ о мѣстѣ принятія Владиміромъ христіанства, но по нашему мнѣнію, онъ неизбѣжно касается и времени этого событія. Въ самомъ дѣлѣ, если Владиміръ крестился въ Кіевѣ, или Василевѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ кромѣ Корсуни, то когда могло случиться это событіе? И лѣтопись и монахъ Іаковъ согласно говорятъ, что взятіе Корсуни русскими сопровождалось бракомъ кіевскаго князя съ византійскою принцессою, — чего пока нѣтъ и возможности отрицать; а бракъ этотъ могъ состояться лишь въ случаѣ принятія Владиміромъ христіанства; слѣдов., если св. князь крестился въ Кіевѣ или Василевѣ, какъ передавала народная молва, то непременно до корсунскаго похода, который я предпринялъ уже будучи христіаниномъ. Лѣтопись полагаетъ начало и конецъ этого продолжительнаго

¹⁾ Лѣтоп. по Ип. сп. (1871 г.) 76 стр.

похода въ 988 г.; откладывая необходимый промежутокъ между нимъ и крещеніемъ Владиміра, мы должны отнести это событіе—перехѣну вѣры—къ 987 г. или въ крайнемъ случаѣ къ самому началу 988, что уже несогласно съ лѣтописнымъ разсказомъ. Словомъ споръ о мѣстѣ крещенія Владиміра съ необходимостію предполагаетъ и споръ о времени крещенія св. князя. Такимъ образомъ первая половина поставленнаго нами вопроса—обстоятельства принятія кievскимъ княземъ христіанства — еще въ глубокой древности возбуждала недоумѣнія и разногласія; были ли подобныя разнорѣчивыя мнѣнія по поводу второй половины вопроса, касающейся крещенія кievлянъ и начала распространенія въ Россіи христіанства — невѣстно.

Фактъ существованія разногласныхъ показаній о мѣстѣ (и слѣд. времени) крещенія св. Владиміра,—показаній, очевидно болѣе древнихъ, чѣмъ извѣстная теперь лѣтописная повѣсть (такъ какъ авторъ ея зналъ эти преданія) до послѣдняго времени не былъ оцѣненъ достаточно, и, кажется, и теперь не оцѣненъ еще вполне, а между тѣмъ онъ давалъ немалое побужденіе критически отнестись къ лѣтописному разсказу. Но скудость источниковъ для провѣрки, а главное безусловное довѣріе къ лѣтописи были причиною того, что разсказъ послѣдней о крещеніи Владиміра и Руси получалъ абсолютную цѣну, какъ единственно вѣрный и справедливый. Авторъ лѣтописной повѣсти замѣтилъ, что всѣ, несогласные съ нимъ по вопросу о крещеніи св. князя Владиміра „не свѣдуще право глаголють“ и ему вполне повѣрили, его разсказъ старались защитить всякимъ способомъ. До чего можетъ доходить довѣріе и благоговѣйное отношеніе къ лѣтописи и какъ велика сила традиціи, можно судить по слѣдующему. Пр. Макарій, открывшій и напечатавшій замѣчательный памятникъ древней письменности—похвалу св. Владиміру монаха Іакова (о которомъ скажемъ ниже), даже и не рѣшился на основаніи этого новаго сочиненія возбудить вопросъ о времени крещенія равноапостольнаго князя и Руси, а наоборотъ сталъ провѣрять Іакова лѣтописью, т. е. писателя болѣе ранняго писателемъ позднѣйшимъ. Пріемъ странный и не особенно понятный!.. И другіе историки и ученые подобно пр. Макарію не рѣ-

шались посягнуть на авторитетъ лѣтописи, не осмѣливались подрывать вѣками воспитанное довѣріе къ ней. И только за самое послѣднее время авторитетъ этого источника уже сильно поколебался, вѣра въ полную справедливость разсказа о крещеніи св. Владиміра и Руси смѣнилась скептическимъ отношеніемъ, и по указанному предмету мнѣнія ученыхъ сдѣлались разнообразны. Главнѣйшими изъ нихъ нужно считать три: первое, до послѣдняго времени раздѣляемое большинствомъ, вполнѣ основано на лѣтописи и держится хронологіи этого источника.

Второе мнѣніе, высказанное, развитое и доказанное проф. Е. Е. Голубинскимъ,—почти прямо противоположно первому: оно основано почти на полномъ отрицаніи достовѣрности лѣтописнаго разсказа. Подвергнувъ этотъ разсказъ самой строгой критикѣ, проф. Голубинскій приходитъ къ выводу, что по вопросу о крещеніи св. Владиміра и Руси лѣтопись баснословитъ, что помѣщенное въ ней сказаніе о началѣ христіанства въ нашемъ отечествѣ не болѣе, какъ вымыселъ какого-то досужаго любителя составлять „занижательныя и замысловатыя повѣсти“, что показанія лѣтописи безвѣрно ниже стоятъ свидѣтельства монаха Іакова, писателя древняго и достовѣрнаго ¹⁾). Вопросъ о времени крещенія св. Владиміра и Руси у проф. Голубинскаго является такимъ образомъ перерѣшеннымъ на основаніи новаго источника, ранѣе не оцѣненнаго должнымъ образомъ.

Третье мнѣніе и уже самое новѣйшее основано на показаніяхъ арабскаго историка Яхьи антиохійскаго, сдѣлавшагося доступнымъ русскимъ ученымъ, благодаря труду барона Розена ²⁾).

Впрочемъ мы не будемъ излагать подробности указанныхъ мнѣній, не будемъ нарочито заниматься ихъ разборомъ, а обратимся къ рассмотрѣнію самыхъ источниковъ, на которыхъ основываются указанные мнѣнія, и посмотримъ, что дадутъ они для рѣшенія вопроса о времени крещенія св. Владиміра и Руси, въ какомъ вза-

¹⁾ Истор. рус. ц. 1 т. 1-я пол. 96 и 113 стр.

²⁾ Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхьи антиохійскаго. Издавъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Розенъ. С.-Петербург. 1883 г.

многѣмъ отношеніи находятся эти источники между собою и къ какому выводу по данному вопросу можно придти на основаніи критическаго разсмотрѣнія ихъ. При разсмотрѣніи источниковъ мы по мѣрѣ надобности будемъ обращаться и къ мнѣніямъ ученыхъ.

Источники, на основаніи которыхъ въ настоящее время можетъ быть рѣшаемъ вопросъ о времени крещенія св. Владиміра и Руси, подраздѣляются на отечественные и иностранные; между тѣми и другими нѣтъ общаго, объединяющаго начала, которое связывало бы ихъ въ одно цѣлое: объ одномъ и томъ же событіи они говорятъ при обстоятельствахъ совершенно различныхъ, такъ что вполне умѣстно разсмотрѣть и тѣ и другіе источники (и русскіе и иностранные) отдѣльно. Прежде всего рѣчь должна быть объ источникахъ отечественныхъ.

I.

Изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной литературы, въ которыхъ болѣе или менѣе подробно говорится о крещеніи св. Владиміра и Руси, сохранились или по крайней мѣрѣ извѣстны теперь очень немногіе. Главнѣйшими изъ нихъ, на которыхъ опираются историки въ своихъ рѣшеніяхъ вопроса о началѣ христіанства въ нашемъ отечествѣ, признаются—лѣтопись, житіе бл. Владиміра и похвала св. Владиміру монаха Іакова. Другіе древнѣйшіе писатели—митр. Иларіонъ, пр. Несторъ, несправедливо считающіеся лѣтописцемъ, и авторъ повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба почти ничего не даютъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса о времени крещенія св. Владиміра и Руси; впрочемъ мы воспользуемся и ихъ скудными свѣденіями особенно въ связи съ показаніями указанныхъ выше главныхъ источниковъ. Эти послѣдніе, будучи немногочисленны, не отличаются притомъ должнымъ и желаемымъ согласіемъ между собою и такимъ образомъ вмѣсто разъясненія вопроса лишь осложняютъ и запутываютъ его и даютъ поводъ къ разногласіямъ.

Разсказъ лѣтописи о началѣ христіанства въ Россіи настолько извѣстенъ, что мы беремъ изъ него не подробности, а указанія на самые важные моменты прихвѣнительно къ поставленному нами вопросу.

Въ 986 г. къ кievскому князю Владиміру являюся послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ исповѣдуемой ими вѣры. Позднѣе другихъ явился греческій философъ, державшій очень длинную рѣчь. Выслушавъ каждаго изъ этихъ посланныхъ и внутренне убѣжденный греческимъ философомъ, Владиміръ почему-то только въ слѣдующемъ 987 г. сообщилъ боярамъ и старцамъ о сдѣланномъ ему представителями разныхъ народовъ предложеніи перемѣнить религію и по совѣту своихъ собесѣдниковъ рѣшился отправить свое посольство для испытанія вѣры. Послы, исполнивъ возложенное на нихъ порученіе, возвратились въ Кіевъ съ мыслию, что нѣтъ лучше вѣры грековъ, и Владиміръ рѣшилъ принять христіанство изъ Константинополя. Въ слѣдующемъ 988 г. онъ отправился въ походъ противъ греческаго города Корсуни (Херсонеса Таврическаго) и послѣ продолжительной осады взялъ его, благодаря измѣннику Анастасу. Затѣмъ Владиміръ отправилъ посольство въ Константиноколь съ требованіемъ руки царевны Анны, угрожая въ случаѣ отказа осадить Царь-градъ. Византійскіе императоры (Василій и Константинъ) согласились съ требованіемъ русскаго князя, подъ тѣмъ условіемъ, если онъ самъ крестится и крестить свой народъ. Согласіе Владиміра послѣдовало. Послѣ продолжительныхъ уговоровъ Анна наконецъ прибыла въ Корсунь, гдѣ состоялось крещеніе кievскаго князя и гдѣ былъ заключенъ бракъ Владиміра съ Анною. Возвратившись въ Кіевъ съ духовенствомъ, иконами и мощами новопросвѣщенный христіанствомъ князь приступилъ къ крещенію народа. Дѣло началось съ ниспроверженія идоловъ, вслѣдъ за которымъ вышелъ великокняжескій приказъ всемъ кievлянамъ въ указанное время собраться на рѣку для принятія св. крещенія. И дѣйствительно въ одинъ неизвѣстный теперь, день „сидеся безъ числа людей на Днѣпръ: влѣзоша въ воду и стояху ови до шіе, а друзіи до нерсій; млади же отъ берега, друзіи же млади держаше; попове же стояще молитвы творяху“. Все эти событія имѣли мѣсто въ 988 г.

Итакъ лѣтописная повѣсть утверждаетъ и притомъ какъ единственно вѣрныя слѣдующія положенія:

- 1) Владиміръ крестился въ Корсуни, послѣ взятія этого го-

рода, въ 988 году, слѣдовательно прожилъ въ христіанствѣ около 27 лѣтъ, такъ какъ его блаженная кончина послѣдовала 15 іюля 1015 года.

2) Въ томъ же 988 году было положено начало крещенію земли русской.

„Житіе блаженнаго Володимера“, принадлежащее неизвѣстному автору и открытое сравнительно недавно ¹⁾, въ изложеніи обстоятельствъ, касающихся крещенія св. Владиміра и Руси, очень сходно съ лѣтописнымъ разсказомъ. Ничего не говоря о приходѣ пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣрѣ кіевскому князю (не потому ли, что такого случая не было?), „житіе“ начинается извѣстіемъ объ отправленіи избранныхъ русскихъ мужей для испытанія вѣрѣ, не сообщая того, на которомъ году отъ сотворенія міра или же княженія Владиміра случилось такое испытаніе. Такимъ образомъ исходный хронологическій пунктъ не указанъ даже и приблизительно; вслѣдствіе этого невозможно опредѣлить и время слѣдовавшихъ за тѣмъ событіемъ, разсказанныхъ согласно съ лѣтописью, совершались они „минувшую лѣту“: „минувшую лѣту“ послѣ испытанія вѣрѣ Владиміръ взялъ Корсунь, крестился и вѣнчался въ ней, а по возвращеніи въ Кіевъ приступилъ къ крещенію народа; „минувшую лѣту“ по крещеніи св. князь создалъ десятинную церковь Богородицы; но, спрашивается, съ какого же времени нужно считать эти минувшіе года? Въ „житіи“ на это не находится прямого отвѣта. Правда, въ концѣ его говорится, что Владиміръ прожилъ въ христіанствѣ 33, слѣд. крещеніе св. князя относится къ 982 г., но такая хронологія рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ историческимъ памятникамъ. Такимъ образомъ „житіе“ въ хронологическомъ отношеніи, которое собственно и важно для насъ, крайне неудовлетворительно и, можно сказать, не имѣетъ никакого значенія. Въ какомъ отношеніи оно стоитъ къ лѣтописи и какія заключенія можно

¹⁾ «Житіе» открыто пр. Макаріемъ и напечатано имъ въ «Хр. Чит.» 1849 г. II, 328—335 и въ Ист. р. ц. въ прилож. къ I т., 264—268. Оно перепечатано и Е. Е. Голубинскимъ въ I пол. I т. 195—207 стр.

сдѣлать изъ его хронологическихъ данныхъ, — скажемъ нѣсколько ниже.

Одновременно съ „житіемъ блаженнаго Володимера“ пр. Макаріемъ открыто и напечатано въ полномъ видѣ другое замѣчательное произведеніе древне-русской литературы — „память и похвала князю русскому Володимеру“ монаха Іакова ¹⁾. Іаковъ пишетъ не спеціально историческое сочиненіе, а похвальное слово на день памяти св. Владиміра и по самой своей задачѣ не можетъ подробно и обстоятельно, въ хронологическомъ порядкѣ, представить факты изъ жизни св. князя. Въ „похвалѣ“ Іакова историческій матеріалъ разбросанъ, передается отрывочно и безъ порядка, но мы должны быть благодарны этому писателю и за то малое, что онъ сохранилъ для насъ изъ жизни св. Владиміра. О значеніи этого историческаго памятника пр. Макарій говоритъ слѣдующее: „важность настоящаго сочиненія (т. е. „похвалы“ Владиміру м. Іакова) для отечественной исторіи открывається уже изъ того, что оно, будучи составлено²⁾ прежде препод. Нестора (т. е. лѣтописи), подкрѣпляетъ многія его извѣстія, и такимъ образомъ служить однимъ изъ доказательствъ достовѣрности нашей древней лѣтописи; а еще болѣе изъ того, что оно дополняетъ лѣтопись новыми извѣстіями, и окончательно рѣшаетъ нѣкоторые вопросы о дѣлахъ церковныхъ“ ³⁾. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы въ вопросѣ о времени крещенія св. Владиміра и Руси Іаковъ служилъ свидѣтелемъ въ пользу лѣтописнаго сказанія. Передаемъ его слова: „по святомъ же крещеніи поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещеніи къ порогамъ ходи ⁴⁾, на третье лѣто Корсуень городъ взя⁵⁾. Стоя съ войскомъ подъ этимъ городомъ, съ цѣлю принудить къ сдачѣ „сиче молящеса князь Володимеръ Богу: Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, даси ми градъ, да прииму и приведу люди

¹⁾ «Похвала» напечатана пр. Мак. въ «Хр. Чт.» 1849 г. II, 316—328 и въ прилож. въ I т. Ист. р. ц. подъ № 1, 255—263. Перепечатана Голубинымъ въ I пол. I т. 207—214 стр.

²⁾ «Христ. Чтен.» 1849 г. нояб. 305 стр.

³⁾ Какой походъ разумѣется здѣсь? Изъ лѣтон. о немъ неизвѣстно.

⁴⁾ «Христ. Чтен.» 1849 г. нояб. 327 стр. Мак. I, 263.

крестьяны и поны на свою землю и да научать люди закону крестьянскому“. Богъ услышалъ молитву князя и Владимиръ „прія градъ Корсунъ“, послѣ чего отправилъ посольство къ царяхъ Константину и Василию, „прося у нихъ сестры ожениться, да ся бы болжа (болѣе) на крестьянскій законъ направилъ“. Императоры согласились „и даста ему сестру свою“. Женившись на Аннѣ и „взя съсуды церковныя и иконы и мощи... святыхъ“, Владимиръ возвратился въ Кіевъ ¹⁾ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сдѣлать Русь христіанскою и православною.

Оказывается, что и лѣтопись вмѣстѣ съ „житіемъ бл. Володимира“ и монахъ Іаковъ ставятъ въ прямую и непосредственную связь съ завоеваніемъ Корсуни бракъ Владимира съ царевною Анною и крещеніе русскаго народа. Въ виду такого согласія этихъ отечественныхъ источниковъ, мы не имѣемъ права относиться скептически къ уномянутой послѣдовательности историческихъ фактовъ. А это обстоятельство—связь паденія Корсуни съ бракомъ Владимира и Анны и съ крещеніемъ Руси—окажется для насъ немало важнымъ при обзорѣнн другихъ историческихъ свѣденій.

Итакъ въ одномъ пунктѣ лѣтопись и монахъ Іаковъ согласны между собою: и первая и вторая ставятъ крещеніе русскаго народа въ зависимость отъ завоеванія Владимиромъ Херсонеса-Таврическаго; но во всемъ остальномъ разсказѣ, касающемся начала въ Россіи христіанства, между указанными памятниками замѣтно немаловажное несогласіе.

По извѣстію Іакова Владимиръ взялъ Корсунъ не язычникомъ, какъ передаетъ лѣтопись, а уже на третьемъ году своего (личнаго) крещенія, которое, слѣдовательно, совершилось гдѣ-то и когда-то раньше, до похода, предпринятаго кіевскимъ княземъ уже въ христіанствѣ,—и совершилось конечно не въ Херсонесѣ, принадлежащемъ тогда грекамъ, завоеваніе котораго могло составлять лишь мечту князя Владимира. Молитва, которую говорилъ блаженный князь подъ стѣнами Корсуни, переданная у монаха Іако-

¹⁾ «Хр. Чт.» 1849 г. нояб. 326 стр. Мак. I, 262.

ва, — молитва христіанина, существенно отличающаяся отъ того общанія Владиміра, которое читается въ лѣтописи.

Самый фактъ крещенія св. князя Іаковъ относитъ не къ тому году, подъ которымъ онъ значится въ лѣтописи, т. е. не къ 988 г., а къ 987, такъ какъ говорятъ, что Владиміръ прожилъ въ христіанствѣ 28 лѣтъ и скончался 15 іюля 1015 г. Іаковъ ни чѣмъ не даетъ понять, что выражается неточно, что указываетъ только приблизительно число лѣтъ жизни св. Владиміра послѣ крещенія, — иѣтъ, онъ прямо и утвердительно говоритъ—28 лѣтъ. Между тѣмъ по лѣтописи, которая, какъ и Іаковъ, относитъ кончину равноапостольнаго князя къ 15 іюля 1015 г., Владиміръ прожилъ въ христіанствѣ очевидно не больше 27 лѣтъ, такъ какъ его крещеніе въ Корсуни, о чемъ скажемъ и ниже, не могло случиться раньше второй половины 988 г. Разница между показаніями лѣтописи съ одной стороны и „похвалы“ св. Владиміру монаха Іакова съ другой оказывается незначительною, по крайней мѣрѣ не столь малую, чтобы ею можно было пренебречь безъ ущерба исторической правдѣ. И разность эта не ограничивается однимъ пунктомъ—годомъ Владимірова крещенія, но простирается и далѣе. Между тѣмъ какъ лѣтопись полагаетъ завоеваніе Корсуни и слѣдовавшее за нимъ крещеніе русскаго народа въ тожъ же 988 г., къ которому относитъ и крещеніе св. князя; монахъ Іаковъ говоритъ, что эти событія совершились на третьемъ году собственнаго крещенія Владиміра, слѣд. въ 989 г. или даже въ 990.

Итакъ монахъ Іаковъ несогласно съ лѣтописью утверждаетъ слѣдующее: 1) Владиміръ лично, а съ нимъ вмѣстѣ вѣроятно и „чада“ его и „весь домъ“ ¹⁾ приняли крещеніе въ 987 г. до корсунскаго похода; 2) Корсунъ была взята русскими на третьемъ году крещенья св. князя, слѣд. не раньше 989 г.; 3) Въ тожъ же 989 г. или въ 990, возвратившись изъ корсунскаго похода, Владиміръ приступилъ къ крещенію русской земли.

Очень трудно, а пожалуй и невозможно, согласить хронологію

¹⁾ «Христ.» Чтен. 1849 г. II, 318.

монаха Іакова съ хронологією лѣтописи касательно событій начала христіанства въ нашемъ отечествѣ. Пр. Макарій сдѣлалъ попытку такого соглашенія, но попытку, слабую и крайне неудовлетворительную. Такъ, желая прижирить указаніе Іакова на число лѣтъ жизни Владиміра въ христіанствѣ съ давними лѣтописи, пресов. Макарій выражается, что св. князь прожил послѣ крещенія около 28 лѣтъ ¹⁾. что, какъ мы знаемъ, не точно ни по отношенію къ лѣтописи, ни по отношенію къ извѣстію монаха Іакова. Впрочемъ тотъ же почтенный историкъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Владиміръ княжилъ „еще 28 лѣтъ послѣ своего крещенія“ ²⁾, которое такимъ образомъ будетъ падать на 987 г.; но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ лѣтописной датой, принятой пр. Макаріемъ.

Желая устранить разногласіе между лѣтописью и монахомъ Іаковымъ касательно корсунскаго похода, пресов. историкъ русской церкви въ примѣчаніяхъ къ открытой имъ „похвалѣ князю Володимеру“, противъ словъ: „на третье лѣто (разужѣтся, крещенія) Корсунъ городъ взя“ (Владиміръ), пишетъ: „у препод. лѣтописца нѣтъ этого извѣстія“ ³⁾. Такое замѣчаніе возможно развѣ при томъ только предположеніи, что Корсунъ въ продолженіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ (въ 988 г. по лѣтописи, въ 989—990 по Іакову) дважды была взята русскими, о чемъ пока ни откуда не извѣстно. Едва ли можно сомнѣваться, что и лѣтописецъ и Іаковъ, рассказывая о корсунскомъ походѣ св. Владиміра, говорятъ объ одномъ и томъ же событіи, только относятъ его къ разному времени. Пр. Макарій самъ признаетъ это ясно и рѣшительно, когда говоритъ о побужденіяхъ, расположившихъ великаго князя кіевскаго идти съ войскомъ на Корсунъ ⁴⁾.

Такія и подобныя попытки соглашенія извѣстій лѣтописи и мо-

¹⁾ Мак. I, 8 стр. «Хр. Чт.» 1850 г. I, 67 стр.

²⁾ Мак. I, 181 стр.

³⁾ Ibid. I, 263 стр. «Хр. Чт.» 1849 г. нояб. 327 стр.

⁴⁾ «Хр. Чт.» 1849 г. нояб. 307 стр. Г. П. Л., авторъ ст. «Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ» (Кіев. Ст. 1887 г. сент.) сомнѣвается, что лѣтописецъ и Іаковъ говорятъ объ одномъ и томъ же походѣ; но его сомнѣніе, какъ увидимъ ниже, незаконно.

ваха Іакова очевидно не достигаютъ цѣли, поставляя примиряющихъ на ложный путь и даже въ противорѣчіе съ собою. Въ виду не только трудности, но и невозможности примиренія разнорѣчныхъ свидѣтельствъ, остается выбрать изъ нихъ такое, которое, по какимъ-нибудь основаніямъ, можетъ представляться болѣе авторитетнымъ, болѣе достовѣрнымъ; но, спрашивается, какое же сказаніе болѣе заслуживаетъ нашего довѣрія—сказаніе ли лѣтописи или же сказаніе несогласнаго съ ней монаха Іакова? Мы уже говорили, что большинство симпатій на сторонѣ перваго источника, т. е. лѣтописи; сюда же склоняются, какъ увидимъ ниже, и тѣ, которые придерживаются третьяго изъ указанныхъ нами мнѣній. Остается провѣрить, на какомъ основаніи лѣтописи отдается предпочтеніе предъ м. Іаковомъ и справедливо ли дѣлается это.

Лѣтописное сказаніе о началѣ христіанства въ нашемъ отечествѣ, говорятъ, „очень вѣрно обстоятельствомъ въ своихъ подробностяхъ и потому не можетъ быть отвергнуто“¹⁾; оно такъ авторитетно и живо рассказываетъ о крещеніи Владиміра и Руси, что ему нельзя не вѣрить. Авторъ этого сказанія знаетъ и другія мнѣнія, несогласныя съ его рассказомъ, но считаетъ ихъ недостовѣрными; „естественно, что лѣтописецъ употребилъ всѣ старанія узнать истину о предметѣ, который его такъ сильно интересовалъ, что описанію его онъ посвящаетъ нѣсколько десятковъ страницъ“; лѣтописецъ, говорятъ, засталъ „еще въ живыхъ въ его время свидѣтелей крещенія Руси“; въ своей правотѣ онъ убѣжденъ настолько, что называетъ „невѣждами, придерживающихся другихъ мнѣній“²⁾.

На первый взглядъ все это вполне правдоподобно; но если мы повнимательнѣе отнесемъ къ указаннымъ доводамъ въ защиту достовѣрности рассказовъ лѣтописи, то увидимъ, что эти доводы не столь авторитетны и доказательны, какими они могутъ показаться на первый, бѣглый взглядъ. Эта авторитетность на самомъ то дѣлѣ является еще очень сомнительною и нуждается еще въ подтвержденіяхъ и доказательствахъ.

¹⁾ Соловьев. Ист. Рос. I, 160 стр.

²⁾ «Труды Кіевск. дух. акад.» 1886 г. III т. 602—603 стр.

Допустимъ, что св. Владиміръ дѣйствительно крестился въ Херсонесѣ, какъ говоритъ наша начальная лѣтопись, однако неоспоримымъ фактомъ остается то, что не всѣ такъ думали: нѣкоторые, какъ удостовѣрено и засвидѣтельствовано въ лѣтописи и о чемъ было сказано выше, полагали, что крещеніе равноапостольнаго князя совершилось въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, только не въ Корсуни, — совершилось конечно до войны съ греками и до взятія Херсонеса Таврическаго. Было замѣчено, что несогласныя преданія о мѣстѣ и, слѣдовательно, времени крещенія св. Владиміра заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ на чемъ они основаны? Сочинены безъ всякаго къ тому повода и основанія? Но при такомъ предположеніи нужно, по нашему мнѣнію, устранить невольное и самое естественное недоумѣніе, — почему сравнительно очень скоро послѣ смерти равноапостольнаго Владиміра изъ народной памяти исчезъ правдивый рассказъ о крещеніи св. князя въ Херсонесѣ и сложились другія преданія, приурочивающія это событіе къ иному мѣсту и иному времени, если къ составленію такихъ преданій не было никакихъ достаточныхъ основаній? То объясненіе, что „представленіе о Корсунѣ (какъ мѣстѣ крещенія кіевского князя) въ послѣдующихъ поколѣніяхъ (послѣ св. Владиміра) стало стираться; воображеніе созидало другія мѣстности, прилагая ихъ къ созидаемымъ различнымъ образамъ одного и того же факта“¹⁾, ни мало не устраняетъ выказаннаго нами недоумѣнія и очевидно несостоятельно. Остается непонятнымъ, почему Корсунь, постепенно исчезающая изъ народной памяти въ теченіе столѣтій послѣ св. Владиміра, въ XII в. не является забытою окончательно, а наоборотъ сосредоточиваетъ исключительное вниманіе на себѣ, какъ мѣстѣ такого знаменательнаго событія, каково крещеніе русскаго князя съ дружиною. Если объ этомъ городѣ помнили въ XII в., то почему же онъ могъ быть забытымъ ранѣе, почему представленіе о немъ „стало стираться“ и замѣнилось представленіемъ другой мѣстности? Удержать въ памяти имя Корсуни было очень не трудно. Этотъ городъ из-

¹⁾ «Вѣст. Евр.» 1873 г. II, 27 стр.

давна былъ извѣстенъ кievлянамъ; какъ видно изъ договоровъ Игоря и Святослава съ греками ¹⁾ давно обладаніе Корсувю входило въ планы кievскихъ князей; можетъ быть владѣть этимъ городомъ было выгодно въ торговыхъ интересахъ, такъ какъ „путь изъ Варягъ въ Греки“ шелъ именно чрезъ Корсуя. Трудно представить, чтобы такой городъ, извѣстный среди русскихъ по торговымъ сношеніямъ, могъ исчезнуть изъ памяти народа по поводу крещенія св. Владиміра. Такая забывчивость является еще болѣе непонятною, если принять во вниманіе, что въ Кіевѣ долго сохранялись вещественные памятники корсунскаго похода, которые всегда могли напомнить забывчивымъ людямъ о Корсуни, какъ мѣстѣ крещенія равноапостольнаго князя. Такимъ знаменательнымъ историческимъ фактомъ, какъ принатіе христіанства владѣтелями Кіева и русскимъ народамъ, нельзя было, конечно, пренебрегать; это событіе не могло слишкомъ быстро изгладиться изъ народной памяти; имъ интересовались, доказательствомъ чего служатъ отголоски различныхъ преданій о мѣстѣ крещенія Владиміра, — преданій, которыя, къ сожалѣнію, неизвѣстны въ подробности; и нужно было бы удивляться тому, что наши предки, благодарные св. Владиміру за его равноапостольный подвигъ просвѣщенія русской земли христіанствомъ, только по непонятной и непростительной небрежности забыли, гдѣ и когда крестился самъ „просвѣтитель Руси, хотя событіе это отнюдь не было тайною.

Въ самомъ дѣлѣ, если крещеніе св. Владиміра случилось въ Херсонесѣ, то оно происходило, какъ видно изъ разсказа лѣтописи. при торжественной обстановкѣ (тайнство крещенія совершалъ корсунскій епископъ), при многочисленныхъ свидѣтеляхъ (изъ русскихъ и грековъ), въ такой церкви, которая по своему положенію—въ центрѣ города, на торговой площади—(этотъ храмъ вѣроятно былъ и кафедральнымъ ²⁾) всегда могла привлечь толпу любопытныхъ. Положимъ, Костомаровъ говоритъ, что „свидѣтелями

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп. 31, 32 и 48 стр.

²⁾ По Лавр. лѣт. Владиміръ крестился въ церкви св. Василія, а по Ипат. лѣт.—въ церкви св. Софіи, по житію «бл. Володимера» - въ церкви св. Іакова.

крещенія собственно Владиміра въ Корсуни могли быть незначительны¹⁾; но это не совсемъ справедливо: дружина князя, изъ которой много даже крестились по примѣру своего вождя; русское войско, отъ котораго нельзя было скрыть принятіе Владиміромъ христіанства, священники корсунскіе, взятые въ Кіевъ, — эти и другіе свидѣтели Владимірова крещенія могли принести и распространить въ Россіи, особенно въ Кіевѣ, самыя достоверныя свѣденія объ этомъ событіи. Правда, у большинства „яснаго образа о фактѣ крещенія не было въ воображеніи“, но за то „оставалось представленіе, что князь въѣзжалъ въ Корсунь и оттуда воротился крещенымъ“²⁾, а этого было вполне достаточно, чтобы надолго и прочно удержать въ памяти мѣсто событія, тѣмъ болѣе, что оно — это мѣсто — издавна, какъ мы говорили, было знакомо русскимъ людямъ; потому ослабѣвающую память о фактѣ крещенія Владиміра въ Корсуни могли возобновлять постоянныя торговыя сношенія этого города съ Кіевомъ.

Особенно могъ быть поучителенъ рассказъ очевидцевъ событій въ Корсуни о чудесномъ исцѣленіи русскаго князя отъ глазной болѣзни, а можетъ быть и отъ слѣпоты (потому что послѣ крещенія Владиміръ „абіе прозрѣ“³⁾). Такое поразительное чудо безъ сомнѣнія должно было имѣть великую силу для утвержденія христіанства въ нашемъ отечествѣ, какъ очевидное и убѣдительное доказательство превосходства святой вѣры предъ язычествомъ; объ этомъ фактѣ больше всего могли говорить свидѣтели Владимірова крещенія; а въ такомъ случаѣ чудо, бывшее надъ кіевскимъ княземъ, должно было еще способствовать самой вѣрной передачѣ корсунскихъ событій. Послѣ этого не странно ли допустить, что столь достоверное и засвидѣтельствованное многими очевидцами преданіе о крещеніи Владиміра передано почти рѣшительному забвенію съ тѣмъ, чтобы уступить свое мѣсто темнымъ и гадательнымъ

¹⁾ «Вѣст. Евр.» 1873 г. II, 27 стр.

²⁾ Ibid. 27 стр.

³⁾ Лѣт. по Ин. сп. 76 стр. Вопреки лѣтописи уятроп. Иларіонъ говорить, что Владиміръ, «не видѣ бѣсъ изгоняща имемемъ Христонымъ, болящія здравующа»... (Ир. къ Твер. Св. От. 1844 г. II, 242 стр.). Могъ ли онъ умолчать о чудѣ, бывшемъ надъ самимъ княземъ?

слухамъ, которые нынѣ почему-то считаются рѣшительно не стоящими вниманія. Однако эти слухи получаютъ совершенно иной смыслъ, если мы предположимъ, что св. Владиміръ крестился тайно и конечно до корсунскаго похода, въ Кіевѣ, или гдѣ-нибудь вблизи его. При такомъ предположеніи очень понятно, почему объ одномъ и томъ же событіи одни говорили одно, другіе— другое, одни относили это событіе къ одному мѣсту, другіе—къ другому. Таинственность событія, желаніе уяснить его и опредѣлить точно неизбежно вызвали догадки и предположенія, а слѣдовательно и разнообразіе мнѣній. Съ этой точки зрѣнія, какъ каждый можетъ видѣть, становится вполне понятнымъ, почему въ народѣ существовали различныя преданія о мѣстѣ крещенія св. Владиміра. Напротивъ, предположеніе, что эти „различныя преданія вполне согласуются съ фактомъ дѣйствительнаго его (Владиміра) крещенія въ Корсунѣ“¹⁾,—вполнѣ несостоятельно; все, сказанное нами выше, полагаемъ, приводитъ рѣшительно къ противоположному заключенію, къ которому отчасти пришелъ и самъ г. Костомаровъ. Вообще, по нашему мнѣнію, тотъ засвидѣтельствованный въ лѣтописи фактъ, что не всѣ были согласны съ авторомъ лѣтописной повѣсти въ вопросѣ о крещеніи св. Владиміра, съ полною убѣдительностію говоритъ противъ достовѣрности лѣтописнаго разсказа.

Правда, авторъ лѣтописной повѣсти замѣчаетъ, что тѣ, которые говорятъ о крещеніи Владиміра не въ Корсуни, „не свѣдуще право глаголють, или, по выраженію г. Линниченко, обываетъ „невѣждами“²⁾ (чего однако лѣтопись не дѣлаетъ и выраженіе: „не свѣдуще право глаголють“ вовсе не равно названію „невѣждами“), но онъ не указываетъ особенно побудительныхъ причинъ вѣрить ему одному. Можно назвать невѣждами кого угодно, но заключать отсюда, что называющіе такъ своихъ противниковъ совершенно правы, было бы крайне поспѣшно и ошибочно. Конечно трудно представить автора сказанія о крещеніи Владиміра

¹⁾ «Вѣст. Евр.» 1873 г. II, 27 стр. Ст. Костом. «Преданіе первоначальн. русской лѣтописи».

²⁾ «Труды Кіев. дух. акад.» 1886 г. III, 602 стр.

«Христ. Чтен.», № 5—6, 1888 г.

такимъ строгимъ критикомъ, который суждѣть вполнѣ отдѣлать истину отъ лжи. Думать такъ о писателѣ XI—XII в. нѣсколько странно. Ужъ если въ наше время ученыхъ изслѣдователямъ не всегда съ успѣхомъ удается разобраться въ противорѣчійхъ и разногласіяхъ историческихъ свидѣтельствъ, то, думаемъ, тѣмъ болѣе трудно было сдѣлать это автору повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси. Конечно онъ отнесся къ событіямъ начала христіанства въ нашемъ отечествѣ съ полною любовью, такъ что посвятилъ описанію ихъ „нѣсколько десятковъ страницъ“, описалъ обстоятельства крещенія земли русской живо и съ молкими подробностями¹⁾; но тѣ, которые знакомы съ лѣтописнымъ разсказомъ, знаютъ, что на этихъ десяткахъ страницъ, въ этомъ живомъ описаніи событій, передаются такіа свѣденія, принять которыя было бы слишкомъ легковѣрно. Авторъ лѣтописной повѣсти несомнѣнно хотѣлъ написать какъ можно больше, не заботясь о достовѣрности разсказываемаго имъ, что отрицать, кажется, и невозможно и что прямо говорить о недостаткѣ въ немъ критическаго отношенія къ сообщаемымъ событіямъ.

Не отрицаемъ и того, что составитель лѣтописной повѣсти старался узнать истину о предметѣ, который его сильно интересовалъ, т. е. о крещеніи Владиміра и Руси; но заключать отсюда, что искомая истина непремѣнно отыскана, не позволяетъ никакая логика: желаніе узнать правду и отысканіе ея, какъ каждый согласится, далеко не одно и то же.

Но, говорятъ, лѣтописецъ могъ узнать истину изъ преданія, свой разсказъ онъ основалъ на словахъ очевидцевъ крещенія Руси „достовѣрныхъ людей, стариковъ, помнившихъ это событіе“²⁾. Сомнѣваться въ правдивости подобнаго сказанія, повидимому, значить обнаруживать уже слишкомъ много скептицизма и крайняго недовѣрія, но это только повидимому; на самомъ же дѣлѣ сомнѣніе вполнѣ законно.

Прежде всего указанное доказательство въ пользу достовѣрности лѣтописнаго сказанія имѣетъ и то лишь нѣкоторое значеніе

¹⁾ «Труды Кіев. дух. акад.» 1886 г. III, 602—603 стр.

²⁾ Солов. Ист. Рос. 244 пр. къ I т.

при томъ предположеніи, что и авторъ повѣсти о крещеніи Владиміра въ Херсонесъ и лѣтописецъ—одно и тоже лицо. Въ противномъ же случаѣ это доказательство рѣшительно не относится къ дѣлу.

Но допустимъ, что о крещеніи равноапостольнаго князя повѣствуетъ самъ лѣтописецъ, печерскій инокъ, который жилъ и писалъ спустя по крайней мѣрѣ столѣтіе послѣ Владиміра, когда преданіе о крещеніи св. князя оразнообразилось и состояло изъ разнорѣчивыхъ слуховъ, разобраться среди которыхъ, какъ мы говорили, было очень не легко довѣрчивому писателю XII в.

Скажутъ: а свидѣтели—очевидцы событія? Можно представить, какими драхмами старцами были эти очевидцы крещенія земли русской, дожившіе до дней лѣтописца! Не слишкомъ ли самоувѣренно полагаться на людей, достигшихъ уже такихъ преклонныхъ лѣтъ, въ которыя можетъ извѣнить самая счастливая память?!.. Потому, много ли было подобныхъ почтенныхъ старцевъ, свидѣтелей крещенія Руси, которыхъ могъ застать въ живыхъ лѣтописецъ? Конечно слишкомъ мало; а при ближайшемъ разсмотрѣніи лѣтописныхъ сказаній не оказывается почти ни одного. Защитники полной достовѣрности лѣтописнаго разсказа обыкновенно указываютъ на печерскаго монаха Іеремію, а болѣе смѣлые изъ нихъ на кіевскаго боярина Яна Вышатича. Но что же говорятъ эти сыдцы? Іеремія, по словамъ лѣтописи, дѣйствительно „помяше крещеніе земли русской“¹⁾, но въ данномъ случаѣ важно то, засталъ ли лѣтописецъ Іеремію въ живыхъ и слышалъ ли отъ него что-нибудь такое, что впоследствии занесъ въ лѣтопись,—объ этомъ онъ рѣшительно ничего не говоритъ и тѣмъ даетъ поводъ отвѣчать на сомнительный вопросъ и положительно и отрицательно. А если принять во вниманіе, что лѣтописецъ, упомянувъ объ Янѣ Вышатичѣ, тотчасъ же и замѣчаетъ, что слышанное отъ этого старца онъ внесъ въ свою лѣтопись, какового замѣчанія не дѣлаетъ при воспоминаніи объ Іереміи печерскомъ, то, по нашему мнѣнію, большая правда за отрицательнымъ отвѣтомъ. Во всякомъ случаѣ не

¹⁾ Лѣт. по Ип. сп. 133 стр.

понятно, почему пр. Макарій ¹⁾, г. Линичевко ²⁾ и другіе съ рѣшительностію утверждають, что лѣтописецъ не только засталъ въ живыхъ Іеремію, но и слышалъ изъ его усть рассказы о крещеніи Руси, между тѣмъ какъ утверждать это лѣтопись не даетъ никакого права. Вообще ссылка на печерскаго старца и проворливца Іеремію сказывается не настолько точною, чтобы исключала всякія возраженія и сомнѣнія, поэтому нѣкоторые не находятъ возможнымъ ограничиться однимъ этимъ свидѣтелемъ, а ищутъ другого, о которомъ уже достоверно извѣстно, какъ о лицѣ, сообщавшемъ свои свѣденія лѣтописцу, и, къ удивленію, такой свидѣтель оказывается въ лицѣ кievскаго боярина Яна Вышатича.

Совершенно вѣрно, что отъ Вышатича печерскій инокъ „много словеса“ слышалъ и вписалъ ихъ „въ лѣтописици“ ³⁾; но невозможно сказать съ увѣренностію, о чемъ были эти „словеса“ — о крещеніи ли Руси, или о какихъ-нибудь другихъ болѣе позднихъ событіяхъ, современныхъ старцу Яну; всего вѣроятнѣе послѣднее. Одно только несомнѣнно, что Вышатичъ не былъ и не могъ быть очевидцемъ крещенія земли русской: лѣтописецъ, лично знавшій этого боярина, передаетъ, что онъ умеръ въ 1106 г., проживъ 90 лѣтъ ⁴⁾, слѣдовательно родился уже послѣ кончины св. Владимира, тѣмъ меньше могъ быть свидѣтелемъ первыхъ дней христіанства въ нашемъ отечествѣ, и много нужно странной снѣдости, чтобы, подобно Соловьеву, утверждать, будто 90-лѣтній бояринъ Вышатичъ помнилъ событіе крещенія кievлянъ ⁵⁾.

Итакъ, въ видѣ только предположенія, а отнюдь не несомнѣннаго факта можно говорить, что лѣтописецъ засталъ въ живыхъ одного лишь свидѣтеля крещенія Руси; предполагать, что было

¹⁾ «Хр. Чт.» 1850 г. I, 63 стр.

²⁾ «Труды Кіев. дух. акад.» 1886 г. III, 602 стр. Г. Голубинскій то говоритъ, что лѣтописецъ «еще засталъ въ живыхъ людей, которые помнили крещеніе земли русской», то замѣчаетъ, что печерскій инокъ не даетъ этого ясно знать относительно Іереміи, единственнаго чело- вѣка, на котораго можно въ данномъ случаѣ сослаться (См. Ист. р. ц. I, 1 пол. 96 стр. и 2-е пр. Ср. 650 стр.).

³⁾ Лѣт. по Ии. сп. 186 стр.

⁴⁾ Ibid. 186 стр.

⁵⁾ Солов. I, 244 прим.

много таких почтенныхъ старцевъ, какъ Іеремія печерскій, — не имѣется пока никакихъ достаточныхъ основаній. Отмѣчая глубокую старость Іереміи, лѣтописецъ, думаемъ, тѣмъ даетъ понять, что подобный примѣръ былъ исключительный, единственный, по крайней мѣрѣ ему неизвѣстны были другія лица, помнившія просвѣщеніе Руси христіанствомъ; а своимъ упоминаніемъ объ Янѣ Вышатичѣ, какъ сообщавшемъ ему свои свѣденія, лѣтописецъ указываетъ, что онъ не рѣшился бы умолчать и о другихъ лицахъ, которымъ былъ обязанъ полезными указаніями. Вообще приводимая въ пользу достовѣрности лѣтописнаго разсказа ссылка на очевидцевъ — свидѣтелей крещенія Руси должна быть принимаема только съ самыми сильными ограниченіями. Во всякомъ случаѣ самому лѣтописцу (опять допускаемъ тождество его съ авторомъ повѣсти о крещеніи Руси) въ виду извѣстныхъ ему разнообразныхъ мнѣній о мѣстѣ Владимірова крещенія не излишне было бы подтвердить свой разсказъ ссылкой на современниковъ описываемаго имъ событія, — чего онъ однако не дѣлаетъ и тѣмъ даетъ поводъ подозрѣвать, что сослаться въ данномъ случаѣ было не на кого.

Затѣмъ вся эта разбираемая нами аргументація въ пользу достовѣрности лѣтописнаго сказанія о началѣ христіанства въ нашемъ отечествѣ покоится, какъ мы сказали, на томъ предположеніи, что авторъ, повѣствующій о крещеніи Руси, есть именно самъ лѣтописецъ. Но въ настоящее время едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что наша начальная лѣтопись не сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера печерскаго инока, а подверглась бѣльшимъ или меньшимъ измѣненіямъ, дополнена нѣкоторыми вставками, къ числу которыхъ, кажется, съ неоспоримымъ правомъ должна быть относима и повѣсть о крещеніи св. Владиміра и Руси ¹⁾).

Послѣ этого легко понять, какъ неумѣстно сослаться на то, что лѣтописецъ могъ застать въ живыхъ свидѣтелей русскаго крещенія и могъ слышать отъ нихъ достовѣрныя свѣденія объ этомъ знаменательномъ событіи. Къ чему же нужны ссылки на Іеремію

¹⁾ См. Ист. р. ц. Голубинск. I т. 1-я пол. 650 стр.

печерскаго и Яна Вышатича, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ, когда этотъ послѣдній (т. е. лѣтописецъ) вовсе не одно и то же лицо съ авторомъ лѣтописной повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси?!

Правда, говорить, что лѣтописецъ самъ занесъ это сказаніе, заимствованное конечно изъ преданія, на страницы своей лѣтописи¹⁾; но едва ли не болѣе вѣрно думать, что повѣсть вставлена въ позднѣйшее время, уже послѣ лѣтописца. „Изученіе лѣтописи, говоритъ проф. Голубинскій, приводитъ насъ къ высокому мнѣнію о лѣтописцѣ и намъ никоимъ образомъ не думается, чтобы онъ былъ сочинителемъ“²⁾ извѣстнаго теперь лѣтописнаго сказанія, или чтобы онъ, такъ сказать, санкціонировалъ достовѣрность такого преданія своимъ авторитетомъ, занесши сказаніе на страницы своего произведенія. Послѣ сдѣланнаго проф. Голубинскимъ тщательнаго критическаго разбора лѣтописной повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси невольно соглашаемся съ достопочтеннымъ ученымъ, что повѣсть эта есть прискорбнѣйшая вставка въ произведеніе неизвѣстнаго печерскаго инока³⁾. Кто былъ авторомъ этого сказанія—неизвѣстно; но оно едва ли сочиненіе оригинальное.

Выше мы упомянули, что въ изложеніи обстоятельствъ, касающихся крещенія св. Владиміра и Руси, съ лѣтописью очень сходно „житіе бл. Володимира“. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ двухъ памятниковъ исторической литературы (т. е. лѣтописи и „житія“) оказывается, что сходство между ними во многихъ мѣстахъ букввальное, что прямо говоритъ о заимствованіи однимъ какимъ-нибудь авторомъ у другого; слѣдоват. взаимное отношеніе между лѣтописью и „житіемъ“ такое, что или „житіе“ сокращено изъ лѣтописи⁴⁾, или же, наоборотъ, лѣтописное сказаніе есть расширенное и распространенное „житіе“. Полагаемъ, что вѣроятнѣйшее предположеніе есть именно второе; съ этимъ

¹⁾ Солов. 244 прим. къ I т.

²⁾ Ист. рус. ц. I т. 1-я пол. 118 стр.

³⁾ Ист. рус. ц. I т. 1-я пол. 4-е прим. къ 650 стр.

⁴⁾ Примеръ подобнаго сокращенія лѣтописи см. въ Описан. Рум. муз. Восток. 434 стр.

согласны какъ защитники лѣтописнаго сказанія ¹⁾, такъ и его противники ²⁾. Обращаемъ между прочимъ вниманіе на слѣдующее. Лѣтопись подробно говоритъ о приходѣ къ Владиміру пословъ отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣръ; въ „житіи“ объ этомъ нѣтъ ни слова. Почему же авторъ его, если онъ сокращалъ лѣтопись, вполне упустилъ упомянутое событіе и началъ свой разсказъ ех абгарто, съ неопредѣленнаго выраженія: „ходиша же слуги его“ (Владиміра) и т. д.? Объяснить это упущеніе только неумѣніемъ дѣлать компиляціи (чему въ старину встрѣчались примѣры) едва ли было бы вполне достаточно. — Потому, лѣтопись ясно говоритъ, что Владиміръ предъ крещеніемъ „разболѣся очима и не видяше ничтоже“, а послѣ крещенія „абіе прозрѣ“. Здѣсь болѣзнь кіевскаго князя указана очень опредѣленно. Между тѣмъ „житіе“ выражается: „Володимеръ разболѣся“ и послѣ крещенія „цѣль бысть отъ язвы“. Почему же авторъ этого „житія“, если онъ сокращалъ лѣтопись, оставилъ точныя указанія на болѣзнь князя и сталъ говорить о какой-то язвѣ? ³⁾. Это непонятно. Иное дѣло, если авторъ лѣтописной повѣсти пользовался „житіемъ“ и захотѣлъ разъяснить неопредѣленныя выраженія его о болѣзни Владиміра, — въ такомъ случаѣ не трудно догадаться, откуда появилась у князя болѣзнь „очима“.

Наконецъ, авторъ „житія Володимирова“ ясно говоритъ, что онъ именно его сочинитель, а вовсе не компиляторъ чужого произведенія ⁴⁾.

Итакъ, полагаемъ, слѣдуетъ считать „житіе бл. Володимера“ первичною редакціею лѣтописной повѣсти, которая, слѣдов., составлена не вдругъ, а въ нѣсколько пріемовъ, по крайней мѣрѣ въ два. Что же даетъ первоисточникъ лѣтописи для разъясненія

¹⁾ Преосв. Макарій. «Хр. Чт.» 1849 г. нояб. 308 стр.

²⁾ Голуб. I, 1, 107—108 стр.

³⁾ По словамъ Голубинскаго, «послѣдующіе сказатели никогда не сокращаютъ чудесъ», слѣд. авторъ житія предшествуетъ автору лѣтописной повѣсти. Голуб. I, 1, 198 стр. 3-е прим.

⁴⁾ Авторъ, обращаясь къ царямъ Константину и Владиміру, пишетъ: «молюся и мило васъ дѣю писаніемъ грамотица сея малыя, юже написахъ недостойнымъ умою»... (Хр. Чт. 1849 г. нояб. 335 стр.).

интересующаго насъ вопроса о времени крещенія св. Владиміра и Руси? Ничего яснаго и опредѣленнаго; хронологія „житія“, какъ замѣчено выше, неудовлетворительна. Владиміръ крестился, по „житію“, на другой годъ („минувшую лѣту“) послѣ испытанія вѣрь избранными русскими мужами, но время этого послѣдняго событія не обозначено. На другой годъ послѣ крещенія (опять „минувшую лѣту“) Владиміръ „умнели создати церковь святыя Богородица“. Сопоставляя эти извѣстія съ лѣтописью, мы могли бы отнести исходный пунктъ хронологіи „житія“ — испытаніе вѣрь — къ 987 г., взятіе Корсуни и крещеніе Владиміра и Руси — къ 988 г., а основаніе десятинной церкви — къ 989 г. Но послѣдняя дата требуетъ оговорки. Въ лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи дѣйствительно такъ — основаніе десятинной церкви Богородицы отнесено къ 989 г.; но въ ипатьевскомъ спискѣ это событіе значится подъ 991 г. Держась этого списка лѣтописи и начавъ расположеніе событій отъ сейчасъ указаннаго факта, мы необходимо должны были бы значительно измѣнить хронологію предшествовавшихъ событій. — Конечно трудно рѣшить, въ которомъ спискѣ лѣтописи ошибка въ данномъ случаѣ; но нельзя не обратить вниманія на то, что лаврентьевскій списокъ, начиная говорить объ основаніи десятинной церкви, выражается о времени этого событія довольно неопредѣленно: „посеиъ Володимеръ живяше въ законѣ хрестыянствѣ, помысли создати церковь Пресвятыя Богородица...“, что даетъ поводъ полагать между основаніемъ ея и крещеніемъ князя срокъ времени болѣе года ¹⁾. Во всякомъ случаѣ разногласіе списковъ лѣтописи свидѣтельствуетъ, что хронологія ея переправлялась и измѣнялась по соображеніямъ намъ теперь неизвѣстнымъ...

Интересно было бы опредѣлить, почему авторъ „житія“ пе-

¹⁾ Въ церковномъ уставѣ Владиміра сказано, что созданіе десятинной церкви случилось «лѣтомъ многымъ минувшемъ» послѣ крещенія равноапостольнаго князя (См. Карам. 506 пр. къ I т. Мак. I, 282 и 284 ст. Гол. I, 530 ст. 1-й пол.) Допустимъ, что здѣсь разумѣется окончаніе постройки, но и въ такомъ случаѣ выраженіе: «лѣтомъ многымъ» далеко нельзя назвать точнымъ, особенно если принять во вниманіе, что авторы, писавшіе спустя столѣтіе послѣ кончины Владиміра выражаются: «аже бысть малымъ преже сихъ лѣтъ»...

передаетъ, что Владиміръ „минувшю лѣту (послѣ крещенія), умнсли создати церковь святныя Богородицы“. Если онъ—этотъ авторъ—жилъ раньше лѣтописца, такъ что послѣдній воспользовался его извѣстіями (что и предполагають нѣкоторые), то какое было побужденіе у неизвѣстнаго печерскаго инока замѣнить определенное выраженіе: „минувшю лѣту“ неопределеннымъ: „посемъ Володимеръ живаше“ и т. д. и даже помѣстить основаніе десятинной церкви на другомъ году Владимірова крещенія (какъ помѣщено въ лаврентьевскомъ спискѣ)? Это непонятно. Иное дѣло, если житіе въ расширенной редакціи внесено въ лѣтопись уже послѣ лѣтописца (какъ предполагаетъ проф. Голубинскій ¹⁾), въ такомъ случаѣ выраженіе „минувшю лѣту“ (объ основаніи десятинной церкви) будетъ составлять собственную комбинацію автора „житія“, основанную на томъ положительномъ извѣстіи мниха Іакова, что церковь Богородицы заложена на другой годъ похода подъ Корсунь, а такъ какъ авторъ „житія“ былъ убѣжденъ, что Владиміръ крестился именно въ Херсонесѣ, то отсюда и выходило, что десятинная церковь основана минувшю лѣту по крещеніи. — Выраженіе же: „посемъ Володимеръ живаше“... слѣдуетъ считать принадлежностію начальной лѣтописи, въ которой оно осталось безъ измѣненія при внесеніи въ нее извѣстной теперь лѣтописной повѣсти, свидѣтельствуя тѣмъ, что дѣйствительная хронологія лѣтописи отличалась отъ хронологіи „житія“...

Впрочемъ умолчавъ въ началѣ о времени описываемыхъ событій, авторъ „житія Володимера“ уже въ концѣ его дѣласть такое замѣчаніе, которое могло бы послужить къ установленію правильной хронологіи предыдущихъ событій; но въ дѣйствительности замѣчаніе это вмѣсто разъясненія вноситъ явную слутанность въ порядокъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ говоритъ „житіе“. Его авторъ, повѣствуя о кончинѣ блаженнаго князя, передаетъ, что Владиміръ прожилъ „во святомъ крещеніи“ 33 года, слѣдовательно принялъ христіанство въ 982 г., такъ какъ 15 іюля 1015 г. „предалъ душу свою въ рупцѣ Божіи“, что прямо за-

¹⁾ Ист. р. ц. I, I пол. 118 стр.

свидѣтельствовано древнѣйшими памятниками и въ чемъ, конечно, никто не сомнѣвается. Принявъ такую хронологическую зачѣтку „житія“, мы должны были бы всё событія, предшествовавшія крещенію Владиміра (напр., испытаніе вѣръ) и слѣдовавшія за нимъ (основаніе десятинной церкви) помѣстить вовсе не подъ тѣми годами, подъ которыми эти событія значатся въ лѣтописи, и въ дѣяньхъ случаѣ разница между „житіемъ“ и лѣтописью оказалась бы очень значительною. Правда, въ числѣ лѣтъ жизни Владиміра, указанныхъ въ „житіи“, предполагають ошибку переписчика, такъ какъ годы обозначены буквами¹⁾; но съ полною вѣроятностію слѣдуетъ думать наоборотъ, что здѣсь нѣтъ никакой ошибки. Для удостовѣренія стоитъ прочесть лишь то мѣсто „житія“, въ которомъ говорится о годахъ жизни Владиміра „во святохъ крещеніи“; здѣсь авторъ, сравнивая просвѣтителя Руси съ Моисеемъ, пишетъ; „оамо—40 днѣй и 3 Моисѣй и законъ давъ преставися: се ж (т. е. Владиміръ) 30 лѣтъ и 3 бывъ во святохъ крещеніи... преставися“²⁾. Было ли бы это сравненіе точно и умѣстно, если бы вмѣсто 33 лѣтъ поставить, наприм., 27, какъ выходитъ по даннымъ лѣтописи? Конечно нѣтъ. Даже самое сближеніе Владиміра съ Моисеемъ основано именно на сопоставленіи чиселъ: 40 и 3—30 и 3, значить принадлежитъ самому автору „житія“, а не представляетъ ошибку переписчика.

Иное дѣло, откуда авторъ „житія“ заимствовалъ ошибочное извѣстіе о лѣтахъ жизни св. Владиміра въ христіанствѣ. Не можемъ сказать, вѣрно ли по этому поводу объясненіе проф. Голубинскаго; но во всякомъ случаѣ оно очень правдоподобно. Достопочтенный Евг. Евст. предполагаетъ, что авторъ „житія Володимірова“ былъ знакомъ съ такимъ спискомъ Несторова житія Бориса и Глѣба, въ которомъ годомъ крещенія св. Владиміра неправильно былъ указанъ 6490-й отъ сотворенія міра (988 отъ Р. Х.) вмѣсто 6495-й³⁾. Такая ошибка у Нестора встрѣчается въ древнѣйшемъ спискѣ житія Бориса и Глѣба, сохранившемся

¹⁾ «Христ. Чтен.» 1849 г. II, 310 стр.

²⁾ Ibid. 333 стр. Мак. I, 267 стр.

³⁾ Ист. рус. ц. 1-я пол. 1-го т. 119 стр. и 2 прим.

до нашего времени (XII в., изд. Бодянский). Совпадение неправильностей в хронологии двух житий действительно замечательное, наводящее на мысль о зависимости одного автора от другого. В самомъ дѣлѣ, стоитъ 6495 изобразить по-славянски (вуче) и легко понять, что послѣдняя цифра была принята за букву, а потому для краткости и отпала и вмѣсто 6495 г. явился 6490-й, тотъ самый годъ, который и знаетъ авторъ „житія бл. Володимира“. Во всякомъ случаѣ это объясненіе несравненно естественнѣе, нежели то, по которому 33 года, означенные въ „житіи“, ошибочно поставлены вмѣсто 27. Если бы предположеніе о зависимости автора Володимерова житія отъ преп. Нестора можно было доказать съ несомнѣнностію, то самъ собою рѣшался бы вопросъ о сравнительно позднемъ происхожденіи того историческаго памятника, который, какъ нужно думать, легъ въ основу лѣтописной повѣсти, и слѣдовательно значеніе послѣдней, какъ авторитета въ наукѣ исторической, было бы рѣшительно поколеблено. Конечно здѣсь самъ собою возникалъ бы вопросъ о времени происхожденія и объ авторѣ „житія бл. Володимира“, но такъ какъ хронологія этого памятника отличается крайнею запутанностію и не ведетъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ, то и рѣшеніе указаннаго вопроса не можетъ дать никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ ¹⁾.

¹⁾ Вопросъ о древности «житія» и объ авторѣ его очень спутанный. Не имѣя возможности распространяться о немъ подробно, укажемъ лишь слѣдующее. Пр. Макарій усвоилъ «житію» «неоспоримую древность» (Хр. Чтен. 1849 г. II, 307) и считаетъ его «едва ли не древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ источниковъ касательно жизни» св. Владиміра (Ibid 1850 г. I, 57), такъ какъ «житіе» начинается словами: «сице убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ...»; но точно такими же словами начинается и сказаніе объ убіеніи Бориса и Глѣба, въ которомъ говорится, что св. князь Владиміръ прожилъ въ христіанствѣ 28 лѣтъ (слѣд. крестился въ 987 г.) (Хр. Чтен. 1849 г. II, 378). Однако въ другомъ мѣстѣ пр. Макарій утверждаетъ, что древнѣйшимъ писателемъ о св. Владимірѣ былъ монахъ Іаковъ (Ibid. 1849 г. II, 303). Сколько же, спрашивается, было писателей, которые были древнѣе всѣхъ остальныхъ?.. Что касается автора «житія», то онъ остается вообще неизвѣстнымъ; впрочемъ пр. Макарій считаетъ этимъ авторомъ то Іакова (Христ. Чтен. 1849 г. II, 309; 1850 г. I, 57; Ист. р. ц. II, 141), то пр. Феодосія (Хр. Чт. 1849 г. II, 311; 1850 г. I,

Таковы хронологическія данныя того произведенія, которое, какъ слѣдуетъ думать, было первою редакціею извѣстной теперь лѣтописной повѣсти.

Теперь возникаетъ вопросъ, на какомъ основаніи сбивчивая и смутанная хронологія „житія Володимерова“ въ редакціи расширенной и распространенной получила именно ту опредѣленную раскладку по годамъ, съ которою въ настоящее время встрѣчается въ лѣтописи. Если бы вторичную редакцію житія составилъ и завѣсь на страницы своего лѣтописанія самъ неизвѣстный печерскій инокъ, то какія были для него побужденія и основанія переимѣнить хронологію своего первоисточника? Довѣриться въ данномъ случаѣ устному преданію въ ущербъ письменному памятнику, безъ сомнѣнія, было не особенно надежно. Во всякомъ случаѣ если бы мы допустили, что лѣтописецъ нашелъ нужнымъ исправить хронологію „житія“, то этимъ признали бы не особенную благонадежность указаннаго сочиненія. Неоспоримо то, что эти исправленія принадлежатъ автору вторичной редакціи „Володимерова житія“ и они могутъ уясниться, если мы примемъ, если не за достовѣрное, то за вѣроятное то предположеніе, которое высказано (и по мѣрѣ необходимости доказано) нами и которое принято многими учеными, а именно, что повѣсть о крещеніи св. Владиміра и Руси внесена въ лѣтопись уже послѣ лѣтописца. Въ этомъ случаѣ можно понять, почему событія, расположенныя въ „житіи бл. Володимера“ „мицувшю лѣту“ безъ указанія исходнаго пункта, помѣщены именно подъ тѣми годами, подъ которыми значатся теперь въ лѣтописи; можно понять и то, почему число лѣтъ жизни св. князя въ христіанствѣ, указанное въ „житіи“, исправлено ближе къ исторической истинѣ. Авторъ лѣтописной повѣсти о началѣ христіанства въ Россіи, распространяя и дополняя „житіе Володимера“, въ хронологіи могъ слѣдовать тѣмъ извѣстіямъ, которыя читались

57). Голубинскій признаетъ его грекомъ и склоненъ видѣть автора «житія» въ монахѣ Феодосіѣ, переводившемъ съ греческаго языка на славянскій посланіе Льва Великаго къ Флавіану, патриарху Константинопольскому, по просьбѣ князя Николая Святоши (См. I, I, 116 стр.; 119 стр. 2-е прим.; 194 стр. и 700 стр.).

въ нашей начальной лѣтописи. Трудно и даже невозможно допустить, чтобы въ послѣдней ничего не было сказано о крещеніи св. Владиміра и распространеніи христіанства въ нашемъ отечествѣ; подъ 986—989 г. вѣроятно читались какія-нибудь правдивыя замѣтки объ этихъ событіяхъ, и И. И. Малышевскій, по нашему мнѣнію, вполне правъ, считая отсутствіе подобной записи въ лѣтописи дѣломъ невѣроятнымъ. Какого рода была эта записъ, — сказать не только трудно, но и рѣшительно невозможно; но, если судить вообще по характеру лѣтописныхъ извѣстій, она не должна быть многословна, не смотря на выдающееся значеніе событія. Это то именно обстоятельство — сжатость и краткость извѣстія лѣтописи — и могли побудить неизвѣстнаго автора восполнить рассказъ о такомъ знаменательномъ фактѣ, каково крещеніе Руси. Подходящимъ матеріаломъ для такого восполненія и явилось „житіе бл. Володимера“. Лично убѣжденный въ пользу того мнѣнія, что кievскій князь долженъ былъ креститься и дѣйствительно крестился торжественно, чему удовлетворяло описаніе этого событія, сдѣланное въ „житіи“, авторъ лѣтописной повѣсти началъ размѣщать факты, заимствованные изъ житія, одинъ за другимъ „минуя лѣту“, причемъ хронологія начальной лѣтописи могла не только измѣниться, но и сильно пострадать. Почему именно это чисто механическое нанизываніе фактовъ началось съ одного опредѣленнаго года, каковымъ можно считать 987 г., — время отправленія посольствъ къ разнымъ народамъ, — этого мы не знаемъ, но, можетъ быть, въ записи начальной лѣтописи для этого имѣлись какія-нибудь основанія. Стоило только избрать исходный хронологическій пунктъ, дальнѣйшее размѣщеніе событій по „житію“ не представляло ни малѣйшей трудности.

Однако авторъ лѣтописной повѣсти не утаилъ, какъ мы знаемъ, того, что его мнѣніе о мѣстѣ крещенія (и слѣд. времени крещенія) св. Владиміра далеко не единственное. Что значить его замѣтка, что св. князь, по мнѣнію однихъ, крестился въ Кіевѣ, по мнѣнію другихъ, въ Василевѣ — по мнѣнію третьихъ, въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ? Имѣлъ ли авторъ въ виду исключительно устное преданіе, народную молву? Едва ли. Ковечно на

первомъ мѣстѣ у него могло быть именно преданіе народа не писанное; но намъ сильно подозрѣвается, нѣтъ ли въ указанныхъ выше разногласныхъ мѣстѣяхъ о мѣстѣ крещенія св. Владиміра намекъ на писанное преданіе, исключая которое изъ лѣтописи, авторъ повѣсти не могъ обойти полнымъ молчаніемъ, но счелъ нужныхъ оговорить, какъ невѣрное? Конечно—это предположеніе, но оно очень естественно и противъ него не можетъ быть сильныхъ возраженій, особенно если мы предположимъ, что въ начальной нашей лѣтописи, до внесенія въ нее извѣстной теперь повѣсти, читались какія-нибудь замѣтки о крещеніи св. Владиміра и Руся. Можетъ быть благодаря именно этой вставкѣ—повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси—единство хронологіи нашей начальной лѣтописи было нарушено и произошла та путаница, образецъ которой мы указали выше на годъ основанія десятинной церкви. Два древнѣйшихъ списка лѣтописи (лазрентьевскій и шпательевскій) относятъ это событіе къ двумъ разнымъ годамъ, одинъ—къ 989. а другой—къ 991 г.: это-то и показываетъ, что хронологіею событій начала введенія въ Россіи христіанства распорядилась чья-то чужая рука, а не рука неизвѣстнаго печерскаго инока-лѣтописца, такъ какъ въ произведеніи, вышедшемъ изъ его рукъ не могло быть разногласія. Само собою понятно, что не можетъ быть полного довѣрія къ такой хронологіи, которая привнесена извнѣ и подвергалась перемѣнамъ по причинамъ не особенно понятнымъ. Въ виду того предположенія, что въ лѣтописи еще самимъ печерскимъ инокомъ была сдѣлана записъ о крещеніи св. Владиміра и Руси и что записъ эта потомъ была замѣнена извѣстною теперь лѣтописною повѣстію, возникаетъ самый естественный вопросъ, почему сдѣлана была такая перемѣна сказаній. Нѣсколько выше мы указали одно изъ побужденій къ такому поступку—желаніе дать, насколько возможно, самый подробный разсказъ о такомъ знаменательномъ событіи, каково введеніе христіанства въ наше отечествѣ. Разумѣется, самъ авторъ лѣтописной повѣсти считалъ вполне достовѣрнымъ то мнѣніе, что св. Владиміръ крестился въ Корсуни. Разбираясь въ разнообразныхъ преданіяхъ по этому вопросу, неизвѣстный авторъ повѣсти

рѣшительно склонился на сторону „житія бл. Володимира“; на это у него были даже свои причины. Владиміръ былъ однимъ изъ самыхъ любимѣйшихъ князей, эпоха котораго воспиты народными былинами предпочтительно предъ всѣми другими княженіями. И какъ онъ—народный любимецъ и герой, окруженный сонмомъ богатрѣй, почти не знающій соперниковъ своей власти,—могъ перемѣнить вѣру своихъ отцовъ тайно, тихо, незамѣтно? Напротивъ, онъ долженъ былъ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ шумно, торжественно, какъ побѣдитель, добывающій силою и удальствомъ даже самую религію.

Не отсюда ли, не изъ этого ли народнаго представленія князя-героя возникъ страннѣйшій рассказъ о завоеваніи вѣры, который нѣкоторые наши историки принимали и старались защитить какъ самый достовѣрный?!... ¹⁾ Конечно, это завоеваніе вѣры—единственный въ своемъ родѣ историческій казусъ весьма оригинальный и весьма недоумѣнный ²⁾, но рассказъ о немъ, отзываясь „пѣсеннымъ вымысломъ“ ³⁾, могъ отвѣчать народному представленію св. Владиміра „удальнымъ вблудцомъ“. Въ тому же и самыя событія какъ будто подтверждали справедливость той мысли, что походъ подъ Корсунь былъ предпринятъ для завоеванія новой вѣры. Лично принявшій христіанство до войны съ греками, Владиміръ былъ тайнымъ христіаниномъ ⁴⁾ и для большинства оставался прежнимъ языческимъ княземъ до тѣхъ поръ, пока, возвратившись изъ кор-

¹⁾ Кажется, первый высказавшій мысль о завоеваніи Владиміромъ вѣры былъ митр. кіевскій Евгений, извѣстный ученый историкъ (см. Стр. 1887 г. II, 278 стр.). А за нимъ повторилъ уже и Карамзинъ.

²⁾ Ист. р. ц. Е. Е. Голуб. 1-я пол. I т. 109 стр.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1873 г. II, 28 стр.

⁴⁾ Можно думать, что Владиміръ, подобно своему отцу, на первыхъ порахъ боялся укоренять за перемену вѣры. Святославъ на уговоры матери принять христіанство отвѣчалъ: «дружины моя сему смѣяться начнутъ» (Ип. л. 41). Не то же ли сначала думалъ и Владиміръ? А что протестъ со стороны языческой партіи былъ вполне возможенъ, на это указываютъ слова св. князя, что каждый не явившійся для крещенія «противникъ ему да будетъ» (ib. 80 стр.). А летопись прямо говоритъ, что о ниспроверженіи Перуна «плакахуся его невѣрнии людье» (ibid). Не всѣ крестились по расположенію; нѣкоторые, по свидѣтельству митр. Иларіона, принимали христіанство по страху, уступая силѣ и власти.

сунскаго похода, не объявилъ о переѣвѣ своей прежней вѣры на новую. Фактъ этотъ, всѣмъ известный и неподлежащій никакому сомнѣнью, и могъ наводить многихъ на мысль, что въ Корсуни-то именно Владиміръ и принялъ христіанство и что самый походъ былъ предпринятъ именно для такой цѣли—принятія новой вѣры (хотя и не всѣ раздѣляли подобное мнѣніе), такъ какъ не могли же всѣ знать о политическихъ сношеніяхъ между византійскимъ и русскимъ дворами, о переговорахъ Владиміра съ греками, итѣвшихъ однимъ изъ результатовъ похода подъ Корсунь. Не умѣя объяснить себѣ причины этого похода, но несомнѣнно увѣренные, что Владиміръ явился изъ Корсуни христіаниномъ, многіе и пришли къ полному убѣжденію, что мѣстожъ крещенія кіевскаго князя былъ именно этотъ греческій городъ — Херсонесъ-Таврическій. Авторъ лѣтописной повѣсти былъ изъ числа такихъ убѣжденныхъ...

И еще одно обстоятельство могло подкрѣплять увѣренность, что Владиміръ крестился въ Корсуни. Это—корсунскіе памятники. Изъ нихъ „житіе бл. Володимира“ упоминаетъ лишь о церкви св. Іакова, въ которой Владиміръ крестился и о той церкви, которую св. князь поставилъ въ Корсуни послѣ своего крещенія (церковь св. Василія).¹⁾ Лѣтописная повѣсть дополняетъ число этихъ памятниковъ. Ея авторъ упоминаетъ о земляныхъ насыпяхъ—памятникахъ своеобразной осады и защиты города Корсуни,—о палатахъ Владиміра и царицы Анны и о тѣхъ предметахъ, которые Владиміръ вывезъ въ Кіевъ изъ Корсуни. О нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ составитель повѣсти говоритъ, что они существуютъ „и до сего дне“,—таковы: „полата Володимира“, церковь, построенная Владиміромъ въ Корсуни на горѣ, статуи и „кони мѣднны“, взятые въ Кіевъ. Такое, повидимому близкое, знакомство автора лѣтописной повѣсти съ вещественными памятниками корсунскаго похода можетъ, по крайней мѣрѣ, „придать болѣе всего вѣроятности тому, что Владиміръ крестился въ Корсуни“²⁾ и оно во всякомъ случаѣ вводитъ въ соблазнъ многихъ изъ историковъ. Но уже одинъ изъ нихъ, высказавшій сейчасъ указанное положе-

¹⁾ «Христ. Чт.» 1849 г. ноябрь, 330 стр.

²⁾ «Вѣсти. Евр.» 1873, II, 27 стр.

ніе (Костомаровъ); самъ же сдѣлалъ противъ него не только „въ-ское возраженіе“, но и рѣшительское опроверженіе. По мнѣнію Костомарова, можно представлять дѣло такъ, что „Владиміръ ѣздилъ въ Корсунъ уже крещенымъ, ѣздилъ встрѣчать свою невѣсту и тамъ сочетался съ нею“ (выражаясь точнѣе — Владиміръ выступилъ въ походъ противъ Корсуни уже христіаниномъ) и тогда „свидѣтельство вещественныхъ памятниковъ, напоминающихъ сношеніе Владиміра съ Корсунью, почти не можетъ служить доказательствомъ его крещенія въ этомъ мѣстѣ“ ¹⁾, а если мы примемъ во вниманіе, что, по свидѣтельству древнѣйшихъ историческихъ писателей, Владиміръ дѣйствительно отправился въ походъ подѣ Корсунъ крещенымъ, то слова Костомарова: „почти не можетъ служить доказательствомъ“ нужно переимѣнить на слѣдующіе: свидѣтельство вещественныхъ корсунскихъ памятниковъ рѣшительно не можетъ доказывать сказанія лѣтописной повѣсти. Въ числѣ древнѣйшихъ писателей, на авторитетъ которыхъ всего надежнѣе опереться, первое мѣсто занимаетъ вышеупомянутый монахъ Іаковъ. свидѣтельство котораго о времени крещенія св. Владиміра и Русь уже приведено выше. Къ оцѣнкѣ свѣдѣній этого писателя мы и обращаемся.

Но коснувшись корсунскихъ памятниковъ, считаемъ далеко не лишнимъ указать и на ту путаницу, которая существуетъ въ названіяхъ ихъ въ тѣхъ немногихъ историческихъ извѣстіяхъ, которыя упоминаютъ объ этихъ памятникахъ. Такъ, по Лаврентьевскому списку лѣтописи Владиміръ крестился въ церкви св. Василія, по Ипатьевскому списку — въ церкви св. Софіи; а по „житію бл. Володимира“ — въ церкви св. Іакова. Церковь, построенная св. Владиміромъ въ Корсуни послѣ крещенія, въ „житіи“ названа церковію св. Василія; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи — безъ имени; а въ Ипатьевскомъ — названа церковію св. Іоанна Предтечи. Здѣсь очевидная путаница въ названіяхъ, не поддающаяся примиреніямъ! Такъ до сихъ поръ и остаются неизвѣстными въ точности имена тѣхъ церквей, которыя (т. е. церкви) свидѣтель-

¹⁾ Ibid. 27 стр.

ствоваши о пребываніи св. Владиміра въ Корсуни. Но, спрашивается, откуда же появилось такое разнообразіе названій? Какое изъ трехъ указанныхъ извѣстій точнѣе и вѣрнѣе передаетъ имена церковей корсунскихъ и почему? Положимъ, авторъ „житія бл. Володимира“ не упоминаетъ объ этихъ храмахъ, какъ существующихъ „до сего дне“ и тѣмъ какъ будто указываетъ на свое незнакомство съ ними; но почему же „житіе“ присвоило именно такіа названія имъ?

Допустимъ, что этотъ авторъ рѣшительно ошибается и его ошибку исправляетъ составитель лѣтописной повѣсти,—исправляетъ, повидимому на основаніи сакаго близкаго, непосредственнаго знакомства съ достопримѣчательностями Корсуни; но въ такомъ случаѣ какъ могло оказаться въ лѣтописи несогласіе въ названіи церковей? Боторый писатель лѣтописи (Даврентьевской или Ипатьевской) болѣе правъ въ этомъ несогласіи? Затѣмъ невольное недоумѣніе возбуждаетъ молчаніе лѣтописной повѣсти о томъ, сохранилась ли до дней ея автора та церковь, въ которой будто бы крестился Владиміръ? Ужели она исчезла? Иначе какія были причины замолчать ея существованіе? Съ полною вѣроятностію слѣдуетъ думать, что это былъ кафедральный храмъ корсунскихъ епископовъ, мѣсто его („посредѣ града, идеже торгъ дають Корсунявъ“) было извѣстно; почему же писатель не прибавилъ, что онъ — этотъ храмъ—цѣль „до сего дне“, что добавлено по отношенію къ другимъ корсунскимъ церквамъ? Это непонятно!.. Не сказалась ли въ этихъ разнообразныхъ названіяхъ церковей попытка по возможности точно уяснить то событіе, которое имѣло своимъ, результатомъ крещеніе русскаго народа—корсунскій походъ св. Владиміра? Раскопки корсунскихъ развалинъ и археологическіа изысканія могли бы способствовать разрѣшенію указанныхъ нами недоумѣній. Раскопки, правда, производятся давно, но, кажется, пока не открыто ничего для провѣрки лѣтописнаго сказанія касательно корсунскихъ храмовъ...

II.

Обращаясь къ „памяти и похвалѣ Володимиру“ монаха Іакова и посмотримъ, заслуживаютъ ли ея показанія большаго довѣрія, нежели лѣтописное сказаніе и, если заслуживаютъ, то почему.

Прежде всего необходимо согласиться, что „похвала“ далеко уступает лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси въ полнотѣ и подробности описанія событія (на что, какъ мы знаемъ, и указываютъ защитники достовѣрности лѣтописи), какое обстоятельство и зависѣло отъ прямой цѣли автора—написать не житіе Владиміра, а похвальное слово ему, въ которомъ подробности различныхъ событій не могли имѣть мѣста. Но, отличаясь краткостію, повѣствованіе Іакова въ другихъ отношеніяхъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ лѣтописными разказами.

По извѣстнымъ теперь историческимъ изысканіямъ, монахъ Іаковъ — писатель болѣе древній, чѣмъ лѣтописецъ, и особенно, чѣмъ авторъ той повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси, которая занесена въ лѣтопись. Онъ жилъ и писалъ во второй половинѣ XI в. ¹⁾. А такъ какъ самъ онъ говоритъ, что о жизни равноапостольнаго князя и его подвигахъ пишетъ, слышавъ отъ многихъ, то отсюда съ большимъ основаніемъ заключаютъ, что „похвала“ его написана лишь по устнымъ преданіямъ. Іаковъ рѣшился составить ее, побуждаемый не отечественными примѣрами, а наставленіемъ апостола Павла къ Тимотею (2 Те. II, 1—2) и примѣромъ церковной историографіи, начатой евангелистомъ Лукою, и тѣмъ даетъ понять, что онъ первый рѣшившійся написать о Владимірѣ, и вообще первый нашъ историческій писатель ²⁾.—Такииъ образомъ по древности, и слѣдовательно по авторитету, монаху Іакову принадлежитъ первое мѣсто въ исторической наукѣ. „Авторитетъ Іакова, говоритъ проф. Голубинскій, какъ историческаго писателя, изъ всѣхъ древнѣйшаго есть безусловный и безспорный“ ³⁾; что вполнѣ признаютъ и другіе новѣйшіе изслѣдователи ⁴⁾.

¹⁾ Пр. Макарій допускаетъ даже, что «похвала» написана Іаковомъ въ первой половинѣ XI в. «Христ. Чт.» 1850 г., I, 56 стр.

²⁾ См. «Христ. Чт.» 1849 г. ноябрь 303 стр. Ист. р. ц. Голубин. I, 1, 616 стр.

³⁾ Голуб. I т. 1 пол. 110 стр., ср. 63 стр.

⁴⁾ См. «Труд. Кіев. дух. акад.» 1886 г. III, 667 стр. Ibid. 1888 г. I, 130.

При томъ же Іаковъ пишетъ о св. Владиміръ, слышавъ отъ многихъ. Обращая на это выраженіе особенное вниманіе. Авторитетъ лѣтописи (и вставленной въ нее повѣсти о крещеніи Русской земли) хотятъ, какъ мы видѣли, утвердить на томъ, что лѣтописецъ засталъ въ живыхъ свидѣтелей русскаго крещенія. Легко темеръ понять, какое громадное преимущество имѣетъ монахъ Іаковъ какъ предъ лѣтописцемъ, такъ и особенно предъ авторомъ лѣтописной повѣсти. Живя раньше этихъ писателей и ближе ко времени св. Владиміра, Іаковъ могъ застать въ живыхъ не одного-двухъ, а нѣсколькихъ лицъ, современниковъ или почти современниковъ крещенія кievлянъ. Преданія объ этомъ событіи и о принятіи Владиміромъ христіанства, какъ и естественно, были свѣжѣе и точнѣе во время жизни Іакова, нежели при лѣтописцѣ. Авторъ „похвалы“ былъ безъ сомнѣнія заинтересованъ своимъ предметомъ, такъ что позаботился отъ многихъ лицъ собрать свѣденія о св. князѣ, а если онъ тотъ пресвитеръ Іаковъ, о которомъ упоминаетъ лѣтописецъ подь 1074 г., то онъ былъ монахомъ кievо-печерскаго монастыря при жизни св. Феодосія (который и рекомендовалъ его братіи въ преемники себѣ по игуменству)¹⁾, слѣдов., хорошо помнилъ такого почтеннаго старца, какъ пророзрливецъ Іеремія, и могъ получить между прочимъ и отъ него достовѣрныя свѣденія о крещеніи св. Владиміра. И какъ этотъ древѣйшій писатель, имѣвшій столько способовъ узнать одну лишь правду о началѣ христіанства въ нашемъ отечествѣ, самъ желавшій добиться истины, могъ сообщить завѣдомо невѣрныя свѣденія или же совершенно исказить ихъ?! Защитники лѣтописнаго сказанія косвеннымъ образомъ именно и допускаютъ это сообщеніе неправильнаго мнѣнія или же искаженіе, въ такомъ случаѣ они должны доказать, почему Іаковъ въ своихъ историческихъ показаніяхъ не заслуживаетъ вѣры. Одно предубѣжденіе въ пользу лѣтописной повѣсти не можетъ имѣть силы доказательства.

Въ виду вышесказаннаго страннымъ должно казаться замѣчаніе пр. Макарія, высказанное при томъ какъ-будто съ сожалѣніемъ,

¹⁾ Ип. лѣт. 131 стр.

что Іаковъ не могъ провѣрить слышаннаго имъ и внесеннаго въ „похвалу Володимиру“ лѣтописью, которая тогда еще не существовала ¹⁾. Очень ясно, что преосвящ. историкъ признаетъ неточность и невѣрность въ сообщеніяхъ монаха Іакова и желаетъ провѣрять его лѣтописью и дѣйствительно такъ поступаетъ при установкѣ историческихъ фактовъ. Но здѣсь непонятно, почему лѣтописецъ, рассказывающій о крещеніи св. Владиміра и Руси на основаніи устнаго преданія, по степени достовѣрности долженъ быть предпочтенъ Іакову, пишущему о томъ же событіи и изъ того же источника, только болѣе свѣжаго? Мы конечно ни на минуту не допускаемъ того предположенія, что авторъ „похвалы“ намеренно искажалъ событія. Такое подозрѣніе рѣшительно невозможно. — Очевидно тенденціозное представленіе полной справедливости лѣтописныхъ сказаній привело пр. Макарія даже къ антинаучному требованію провѣрять древнѣйшаго писателя болѣе позднимъ и къ тому же не особенно надежнымъ. Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что вѣрнѣе и справедливѣе поступать совершенно напротивъ?

Если уже не одобряется скептическое отношеніе къ лѣтописной повѣсти о крещеніи Владиміра и Руси, то подобное отношеніе къ „похвалѣ“ монаха Іакова, какъ не обоснованное на достаточныхъ основаніяхъ, должно создать немаловажное затрудненіе въ рѣшеніи того спорнаго вопроса, который нами поставленъ. Бездоказательно отвергнуть авторитетомъ Іакова — значитъ потерять тотъ твердый критерій, при помощи котораго можно рѣшить, что въ разнорѣчивыхъ показаніяхъ историческихъ памятниковъ заслуживаетъ довѣрія и что должно быть отвергнуто. „Исслѣдователь, желающій узнать настоящую историческую правду (о началѣ христіанства въ Россіи), какъ справедливо говоритъ г. Завитневичъ, долженъ положить въ основаніе своихъ разысканій“ показанія Іакова и Нестора ²⁾, (свидѣтельство котораго приведемъ нѣсколько ниже).

Въ частности указанія монаха Іакова ясно обнаруживаютъ въ немъ писателя хорошо знакомаго съ упоминаемыми имъ событіями:

¹⁾ Мак. II, 142 стр.

²⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1888 г. I, 130 стр.

ого историческія свидѣтельства отличаются тою точностію, которой иногда не достаесть лѣтописи. Для примѣра указываемъ слѣдующее. Іаковъ свидѣтельствуесть, что Владиміръ „сѣде въ Кіевѣ мѣсяца Іюня въ 11 день, въ лѣто 6486* (978) ¹⁾“. Точность указанія даже на день воцаренія Владиміра убѣждаетъ въ справедливости даты, которой лѣтопись не знаетъ. Она полагаетъ началомъ Владимірова княженія 980 г.; а общее число лѣтъ царствованія 37 ²⁾, хотя св. князь скончался въ 1015 г. Ясно, что лѣтопись ошибается или въ годѣ начала княженія, или въ количествѣ лѣтъ этого княженія. При помощи монаха Іакова легко исправить неточность.

Перечисляя событія послѣ (личнаго) крещенія св. Владиміра, Іаковъ пишетъ: „на другое лѣто по крещеніи къ порогомъ ходи“ (т. е. Владиміръ). Какой походъ разумѣется здѣсь? Въ лѣтописи о немъ не говорится ни слова, но онъ несомнѣнно былъ, такъ какъ Іакову не было ни повода, ни побужденій сочинять никогда несуществовавшіе походы. Можетъ быть въ начальной нашей лѣтописи, до внесенія въ нее читаемой теперь повѣсти о крещеніи Владиміра и Кіева, и были какія-нибудь замѣтки о походѣ къ порогамъ, но теперь объ немъ можно сказать лишь одно, что онъ былъ. А между тѣмъ этотъ именно походъ могъ бы уяснить многое въ сношеніяхъ Владиміра съ византійскими императорами...

Далѣе, Іаковъ передалъ, что Владиміръ послѣ крещенія „на четвертое лѣто церковь каменну святны Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи, въ девятое лѣто десятину вда церкви святѣй Богородици“. Порядокъ указанныхъ событій совершенно тотъ же, что и въ лѣтописи и даже хронологія если не тождественна, то очень близка къ хронологіи лѣтописи ³⁾, хотя въ

¹⁾ «Христ. Чт.» 1849 г. ноябрь 328. Голуб. I, 1, 214. Мак. I, 263.

²⁾ Ип. лѣт. 50 и 10 стр.

³⁾ По мнѣнію Голубинскаго (I, 1, 113 стр. 1 пр.) хронологія «похвалы» Іакова соотвѣтствуетъ хронологіи лѣтописи касательно указанныхъ событій; а по мнѣнію Завитневича это невѣрно (Труд. Кіев. дух. акад. 1888 г. I, 131, прим.).

последней по разным спискамъ не малая путаница въ годахъ въ которыхъ событій ¹⁾).

Не странно ли послѣ этого предполагать, что Іаковъ, перечисляя событія послѣ личнаго крещенія св. Владиміра послѣдовательно и въ порядкѣ, ничѣмъ не давая заподозрить спутанность фактовъ, ошибается только тамъ, гдѣ говоритъ о походѣ подъ Корсунь, относя это событіе „на третье лѣто по крещеніи“, — ошибается такъ грубо, что рѣшительно не признаетъ корсунскій походъ поводомъ къ крещенію кіевскаго князя, а полагаетъ этотъ фактъ уже послѣ крещенія Владиміра?

Если бы завоеваніе Корсуни не сопровождалось никакими важными послѣдствіями для дальнейшей исторіи нашего отечества, то, пожалуй, еще можно бы было допустить, что это событіе нѣсколько затмилось въ памяти народа и Іаковомъ ошибочно поставлено не на своемъ мѣстѣ — среди другихъ событій; но если мы припомнимъ первостепенную важность корсунскаго похода, то грубую ошибку въ хронологіи касательно этого факта при томъ у писателя древнѣйшаго ничѣмъ не будемъ въ состояніи объяснить удовлетворительно. Иное дѣло походъ по крещеніи (и то на третье лѣто), иное дѣло походъ для крещенія — легко ли смѣшать такіа событія? Авторъ лѣтописной повѣсти смѣшалъ эти факты, но если мы припомнимъ, когда и почему сдѣлалъ это, то поймемъ, что это смѣшеніе у него неудивительно; но какъ и чѣмъ можно было бы объяснить путаницу въ извѣстіяхъ Іакова, если заподозрить ее у этого писателя?..

Нѣтъ, рѣшительно нужно согласиться, что авторъ „похвалы Володимеру“ не допускаетъ никакой спутанности фактовъ изъ начальной исторіи христіанства въ нашемъ отечествѣ и передаетъ то, что дѣйствительно отвѣчаетъ истинѣ. Это признаютъ даже тѣ, которые не желали бы вѣрять мняху Іакову. Такъ нѣкто г. П. Д., защищая лѣтописный годъ крещенія св. Владиміра и Руси (988), предполагаетъ два похода равноапостольнаго князя подъ Корсунь —

¹⁾ Мы упоминали о равныхъ годахъ построенія десятинной церкви. Переяславль заложенъ по Лавр. лѣт. въ 992 г.; а по Ил. списку — въ 993 г.

одинъ для крещенія, а другой — по крещеніи ¹⁾. Ошибочность такого предположенія бы ла отмѣчена уже г. Завитневичемъ ²⁾.

Мнѣніе г. П. Л. рѣшительно не выдерживаетъ критики; ничѣмъ оно не можетъ быть доказано, но за то опровергается всѣмъ ходомъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ, слѣдовавшихъ за взятіемъ Корсуни, о которыхъ придется упомянуть впоследствии. — Для насъ важно то, что г. П. Л., защитникъ лѣтописи, не рѣшился отвергнуть извѣстія монаха Іакова и тѣмъ призналъ неоспоримый авторитетъ этого писателя и его историческія сообщенія, заслуживающими несомнѣннаго довѣрія.

Заслуживая сами по себѣ полной нашей вѣры извѣстія м. Іакова подтверждаются и другими очень важными свидѣтельствами, что придаетъ словамъ автора „похвалы“ особенное значеніе.

Мы уже знаемъ, что, по Іакову, св. Владиміръ прожилъ въ христіанствѣ 28 лѣтъ. Совершенно тоже свидѣтельствуеъ авторъ „Сказанія страстей и похвалы о убьеніи святыю мученику Бориса и Глѣба“ ³⁾; а преп. Несторъ въ „Чтеніи о погубленіи блаженную страстотерцицу Бориса и Глѣба“ годомъ крещенія св. Владиміра прямо обозначаетъ 6495 отъ сотворенія міра и, слѣдовательно, 987 отъ Р. Х. ⁴⁾. Въ этихъ датахъ видно полное совпаденіе съ хронологіей мниха Іакова. Положимъ, первое изъ упомянутыхъ сочиненій: „сказаніе страстей“ и т. д. приписывается тому же Іакову, которому принадлежитъ и „похвала Володимеру“, приписывается однимъ предположительно ⁵⁾, другими утвердительно ⁶⁾, но отъ этого значеніе „сказанія“ нисколько не умаляется. Пусть авторомъ его былъ мнихъ Іаковъ; очевидно онъ,

¹⁾ «Кіев. Стар.» сент. 1887 г.

²⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1888 г. I, 127—128 стр.

³⁾ «Сказаніе» напечатано пр. Макар. въ «Христ. Чт.» 1849 г. II, 377—407 стр.

⁴⁾ «Чтеніе о погубленіи бл. стр. Бориса и Глѣба» пр. Нестора напечатано въ Прав. Собес. 1858 г. I, Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. I кв. 1859 г. О хронологической ошибкѣ въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ этого сочиненія говорено нами выше. Ср. Голуб. I, 1, 105 стр.

⁵⁾ См. Макар. II, 142 стр.

⁶⁾ См. Голуб. I, 1, 615 стр.

указывая въ разныхъ сочиненіяхъ одно и тоже число лѣтъ жизни св. Владиміра въ христіанствѣ, самъ былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ и конечно другимъ не желалъ сказать неправду. Это еще болѣе должно возвышать цѣну историческихъ показаній „похвалы Володимеру“. При томъ же авторъ сказанія объ убіеніи Бориса и Глѣба даетъ видѣть въ себѣ писателя осторожнаго, желавшаго сосредоточиться на избранномъ имъ предметѣ и сообщить о немъ точныя свѣденія, опасавшагося ошибокъ отъ забвенія: „да не многописанія въ забыть влѣземъ“¹⁾. выражается онъ о себѣ.

Итакъ число лѣтъ жизни св. Владиміра послѣ крещенія, указанное Іаковомъ въ „похвалѣ“, будучи провѣрено „сказаніемъ о убьеніи св. мученику Бориса и Глѣба“ и подтверждено пр. Несторомъ, должно стоять выше всякихъ сомнѣній.

Іаковъ не указываетъ мѣста крещенія св. Владиміра, но обозначивъ время этого событія и похода подъ Бурсунъ, молчаливо признаетъ это событіе происходящимъ дома на Руси. И нельзя сказать, чтобы и это мнѣніе не находило себѣ подтвержденія. Проф. Голубинскій указалъ²⁾ отголоски такого преданія въ Исландской сагѣ объ Олавѣ, который представляется виновникомъ крещенія св. Владиміра, — крещенія, совершеннаго въ самой Россіи³⁾. Конечно сага не представляетъ собою историческаго свидѣтельства и показаніе ея „о томъ, будто крещеніе Владиміра совершилось въ самой Россіи, по словамъ проф. Малышевскаго, само по себѣ не имѣетъ значенія“⁴⁾, однако тотъ же ученый признаетъ, что „сага не лишена значенія для уясненія исторіи обращенія Владиміра въ христіанство, и поэтому отнюдь не излишни тѣ сопоставленія извѣстій ея съ нашими домашними извѣстіями о великомъ событіи, какія дѣлались и могутъ быть еще сдѣланы“⁵⁾. По вопросу о мѣстѣ крещенія Владиміра и можетъ быть сдѣлано одно

¹⁾ «Христ. Чит.» 1849 г. II, 378 стр.

²⁾ См. Голуб. I, 1, 111 стр.

³⁾ Сага напечатана въ «Русск. Истор. Сборн. т. IV, кн. I (М. 1840 г.). Содержаніе ея см. у Голуб. I, 1, 221—223 стр. у Малышевскаго Труд. Кіев. дух. акад. 1887 г. 12 кн. 633—635 стр.

⁴⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1887 г. 12 кн. 635 стр.

⁵⁾ Ibid. 636 стр.

изъ такихъ сопоставленій саги съ извѣстіемъ мниха Іакова и окажется, что сага говоритъ скорѣе всего въ пользу нашего древнѣйшаго писателя. Правда, г. П. Л. за ссылку проф. Голубинскаго на исландскую сагу рѣзко назвалъ выводы этого ученаго „измышленіями“¹⁾; но И. И. Малышевскій, не менѣе г. П. Л. компетентный историкъ, указалъ придирчивому и строгому критику „Исторіи русской церкви“, что „измышленія“ Е. Е. Голубинскаго — „выводы, опирающіеся на источники и прежде всего — свои русскіе источники“²⁾, первенство между которыми принадлежитъ Іакову.

Не довѣряясь ссылкѣ на сагу объ Олавѣ, г. П. Л. упустилъ изъ виду и не оцѣнилъ должнымъ образомъ преданіе варода (можетъ быть оно было когда-то и въ лѣтописи), что Владиміръ крестился или въ Кіевѣ или въ Василевѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ своего княжества, преданіе, долго жившее и увѣковѣченное авторомъ лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси. Это преданіе конечно совершенно не то же, что исландская сага и надъ причинами возникновенія его, какъ мы замѣчали выше, стоить подумать. Полагаемъ, что самый развязный защитникъ лѣтописной повѣсти не рѣшился бы назвать вышеуказанныя различныя преданія о мѣстѣ крещенія св. Владиміра незаслуживающими даже и упоминанія. Несомнѣнно то, что они — эти преданія — говорятъ не въ пользу лѣтописнаго сказанія, а подтверждаютъ именно слова Іакова, такъ какъ крещеніе равноапостольнаго князя или въ Кіевѣ, или въ Василевѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, близкомъ къ столицѣ княжества, неоспоримо и необходимо нужно полагать до похода подъ Корсунь.

Что крещеніе кіевского князя совершилось не на чужбинѣ, а дома, на Руси (какъ предполагаютъ мнихъ Іаковъ и народное преданіе), объ этомъ знали, хотя глухо и неопредѣленно, даже на отдаленномъ востокѣ.

Лхья антиохійскій, свидѣтельство котораго подробно приведемъ нѣсколько ниже, передаетъ, что царь Василій (Болгаробойца) при-

¹⁾ «Кіев. Стар.» сент. 1887 г.

²⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1887 г. 12 кн. 626 стр. прим.

слалъ къ Владиміру митрополитовъ и епископовъ, которые и окрестили его и всѣхъ его подданныхъ ¹⁾, при чемъ прибытіе царевны Анны арабскій историкъ изображаетъ событіемъ не одновременнымъ съ упомянутымъ, а слѣдовавшимъ за нимъ. „Яхъя, совершенно справедливо говоритъ г. Завитновичъ, хорошо зналъ, что князь русовъ крестился у себя дома, но когда и при какихъ обстоятельствахъ, это, очевидно, онъ, какъ и многіе даже изъ русскихъ его современниковъ, представлялъ себѣ очень смутно“ ²⁾. И это понятно почему.

Крещеніе св. Владиміра, совершенное не въ Херсонесѣ, сначала по политическимъ соображеніямъ, представляло рѣшительную тайну, а потомъ, послѣ объявленія христіанства господствующемъ религіемъ въ Кіевѣ, сдѣлалось предметомъ догадокъ и предположеній. Объ этомъ мы упоминали и выше.

Наконецъ, хронологическая дата мниха Іакова касательно времени взятія Корсуня русскими находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстіяхъ одного греческаго историка, современника событію (дьякона Льва), повѣреннаго при томъ сказаніями арабскихъ писателей.

Всѣ приведенныя нами подтвержденія свидѣтельствъ мниха Іакова еще болѣе возвышаютъ авторитетъ этого писателя, и безъ того имѣющаго полное право на наше довѣріе къ нему. Къ тому же хронологія „похвалы Володимеру“ позволяетъ удобно развѣстять событія крещенія св. Владиміра и Руси на значительномъ промежуткѣ времени между 987—990 г.; а между тѣмъ лѣтопись скучила эти событія, связанныя съ корсунскимъ походомъ, подъ однимъ годомъ, такъ что для совершенія ихъ не оказывается необходимаго количества времени. Въ 988 г. по лѣтописи, „иде Владиміръ съ вой на Корсунь“, который и осаждалъ долго, около полугода ³⁾. Послѣ взятія города между кіевскимъ княземъ

¹⁾ См. вышеуказ. соч. бар. Роз. Имп. Вас. Болгар. (Слб. 1883 г.) 23-24 стр.

²⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1888 г. I, 135 стр.

³⁾ По «житію» Владиміръ «стоя подъ Корсунью шесть мѣсяць» (Христ. Чт. 1849 г. II, 329 стр.); лѣтопись этой подробности не со-

и византийскими императорами открылись продолжительные переговоры о мирѣ; изъ Корсуни въ Константинополь и обратно было не разъ отправляемо посольство, при томъ же переговоры затягивались нежеланіемъ царевны Анны отдать свою руку Владиміру. Несомнѣнно, на эти дипломатическія сношенія было потрачено не мало времени. Но наконецъ дѣло уладилось, и Анна, уговоренная братьями, отправилась въ Корсунь, гдѣ и былъ совершенъ ея бракъ съ Владиміромъ послѣ предварительнаго крещенія князя. Очевидно, эти послѣднія событія никакъ не могли случиться раньше второй половины 988 г. Предположимъ, что самой ранней весной этого 988 г. Владиміръ стоялъ уже подъ стѣнами Херсонеса. Откладывая указанное время на осаду города и мѣнимъ времени на переговоры до прибытія Анны въ Корсунь (отъ мѣсяца до двухъ), мы должны будемъ отнести крещеніе св. князя не раньше какъ къ концу сентября или началу октября. Затѣмъ послѣ вѣкотораго пребыванія въ Корсуни (нужно было заготовить необходимыя предметы для будущихъ новыхъ христіанъ)¹, Владиміръ предпринялъ обратный походъ изъ Херсонеса въ Кіевъ, — походъ не сиѣвшій, такъ какъ царица и ея свита, а также предметы, взятые русскими изъ Корсуни, могли сильно стѣснять быстроту движенія. Когда же Владиміръ могъ прибыть въ Кіевъ? Конечно въ самомъ концѣ 988 г., въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ и по соображенію съ предыдущими событіями не раньше ноября. Между тѣмъ, по лѣтописи, возвратившись на Русь новокрещенный князь замышляетъ крещеніе народа въ томъ же 988 г. Предположимъ (хотя это и трудно), что кіевляне приняли христіанство безъ всякой подготовки къ нему, по одному только приказу великаго князя; допустимъ, что крещеніе ихъ совершилось немедленно по прибытіи Владиміра въ Кіевъ, — по расчету времени это не могло быть раньше ноября 988 г. А лѣтописи го-

общаетъ, но изъ ея словъ ясно видно, что кіевскій князь долго осаждалъ Херсонесъ Таврической.

¹ По словамъ Никоновской лѣтописи къ Владиміру, во время пребыванія его въ Корсуни, «придоша послы изъ Рима отъ папы», слѣд. кіевскій князь пробылъ въ завоеванномъ имъ городѣ довольно долгое время.

ворить, что крещеніе было совершено на рѣкѣ, что крестящійся народъ стоялъ въ водѣ и не только взрослые, но даже малолѣтки. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь разумѣется время рѣшительно теплое, лѣтнее, а никакъ же не время глубокой осени или начала зимы. А если мы допустимъ, что корсунскій походъ окончился среди лѣта, то какъ мы можемъ ужѣстять въ 988 г. всѣ событія, указанные выше, отъ начала этого похода до возвращенія Владиміра въ Кіевъ?.. Въ рассказъ лѣтописной повѣсти въ данномъ случаѣ выходитъ что-то неладное, что разумѣется говоритъ противъ авторитета этого сказанія. По замѣчанію г. Завитневича, лѣтопись, помѣщая подъ 988 г. всѣ вышеуказанныя событія отъ похода на Корсунь до крещенія Кіева, допускаетъ „несообразность“ ¹⁾, съ чѣмъ согласны даже и тѣ, которымъ было бы желательно отстоять лѣтописное сказаніе. Для этой цѣли нужно расширить хронологическія рамки, что и дѣлаетъ г. П. Л. Онъ принимаетъ и старается доказать, что годъ въ лѣтописи начинается сентябремъ, какъ начинался у грековъ, а не съ марта, какъ обыкновенно начинался у насъ прежде гражданскій годъ. По вычисленію г. П. Л. примѣрно къ августу 987 г. можно отнести совѣщаніе Владиміра съ боярами о вѣрѣ; а затѣмъ „минувшую лѣту“, т. е. осенью, слѣд., въ самомъ началѣ 988 г., былъ предпринятъ походъ подъ Корсунь, который такимъ образомъ дѣйствительно могъ окончиться къ августу мѣсяцу, въ первый день котораго г. П. Л., въ слѣдъ за какимъ то неизвѣстнымъ грамотѣемъ ²⁾, и полагаетъ крещеніе кіевлянъ ³⁾.

Прежде всего отиѣчаемъ, что г. П. Л. на корсунскій походъ отъ его начала до возвращенія Владиміра въ Кіевъ полагаетъ срокъ времени отъ 11 мѣсяцевъ до года, слѣдов. сдѣланный нами выше хронологическій расчетъ событій по лѣтописи не только не долженъ возбуждать сомнѣній, но онъ представляетъ даже шіпімумъ того количества времени, которое допускаетъ и защитникъ лѣто-

¹⁾ «Труд. К. дух. акад.» 1888 г. I, 128 стр.

²⁾ См. Опис. Сян. рукоп. Гор. и Новостр. № 323, 449 л.

³⁾ «Кіев. Ст.» сент. 1887 г. Ст. «Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ».

писнаго разказа. Справедливость хронологіи послѣдняго зависитъ всецѣло отъ вѣрности предположеній г. П. Л. Оказывается, этотъ авторъ построилъ свои заключенія на невѣрныхъ данныхъ. Не говоря уже о томъ, что г. П. Л. своеобразно и оригинально понимаетъ выраженіе: „минувшю лѣту“, самое основоположеніе его— сентябрій годъ—оказывается крайне сомнительнымъ. Вопреки предположенію г. П. Л. лѣтопись даетъ понять, что въ ней лѣтосчисленіе ведется вообще по мартовскимъ годамъ, которое не только въ XII в., но и гораздо позднѣе отличалось отъ сентябрьскаго перковнаго. Можно представить нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ такое положеніе и болѣе наглядный изъ нихъ указанъ г. Завитневичемъ ¹⁾. Лѣтописецъ рассказываетъ слѣдующій фактъ. 18 февраля 6646 г. умеръ кіевскій князь Ярополкъ Владиміровичъ; а 22 того же февраля Кіевъ занялъ братъ его Вячеславъ, но, по требованію Всеволода Ольговича Вячеславъ скоро удалился въ свой удѣлъ— Туровъ и Всеволодъ занялъ великое княженіе 5 марта. Здѣсь-то лѣтописецъ, чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, и отмѣтилъ, что „Олговичъ сѣде въ Кыевъ въ лѣто 6647“, а не въ 6646, какъ слѣдовало бы по предположенію г. П. Л. Выводъ изъ указаннаго факта слишкомъ очевиденъ!.. Приведемъ еще примѣръ. Подъ 6610 г. лѣтописецъ говоритъ о „знаменіи у луиѣ и въ солицѣ“, что случилось въ февраль—5 и 7 числа.

Сказавъ, что „знаменья бывають ово на добро, ово же на зло“, лѣтописецъ замѣчаетъ, что „си знаменья быша на добро“ и далѣе объясняетъ, что въ этотъ годъ Богъ вложилъ русскимъ князьямъ мысль выступить противъ половцевъ, но какъ это случилось, лѣтописецъ обѣщается сказать „въ пришедшее лѣто“ и дѣйствительно подъ 6611 г. передаетъ о „побѣдѣ великой“ русскихъ надъ половцами, одержанной 4 апрѣля. И въ данномъ случаѣ лѣтосчисленіе лѣтописи и его (лѣтосчисленія) исходный пунктъ очевидны... Затѣмъ, рассказавъ о явленіи огненнаго столпа въ Печерскомъ монастырѣ, лѣтописецъ такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе: „знаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, исходяще сему лѣту

¹⁾ См. «Труд. Кіев. дух. акад.» 1888 г. I, 129 стр.

18 (т. е. 6618, подъ которымъ и значится въ лѣтописи) ¹⁾. Конецъ года указанъ очень ясно!.. Полагаемъ, что изъ представленныхъ приѣровъ вполне достаточно видна неправильность предположенія г. П. Л. о сентябрьскомъ годѣ лѣтописи. А если это такъ, то и сдѣланный указаннымъ авторомъ расчетъ времени событій, предшествовавшихъ курсунскому походу и сопровождавшихъ его, долженъ оказаться рѣшительно невѣрнымъ. Понятно, что эта невѣрность увеличивается еще болѣе при предположеніи, что лѣтописная повѣсть о крещеніи св. Владиміра и Руси начинается свои годы съ марта мѣсяца, какъ было обычно въ древней Руси и нашей начальной лѣтописи. Въ этомъ случаѣ на весь походъ подъ Курсунъ до окончанія его среди лѣта окажется времени не болѣе 5 мѣсяцевъ, т. е. такой срокъ, который не допускаетъ и г. П. Л. и который допустить невозможно по его ничтожности.

Защитникамъ лѣтописной даты приходится такимъ образомъ съ абсолютною несомнѣнностію доказать, что если не самъ дѣйствительный лѣтописецъ, то по крайней мѣрѣ авторъ повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси держался того годичнаго счета, который допускаетъ г. П. Л. Удастся ли имъ сдѣлать это и доказать неправильность противоположнаго мнѣнія, — не знаемъ. Предположимъ, что да. Но развѣ самый походъ осенью (какъ предполагаетъ П. Л.) не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній. Удобно ли было начинать войну въ такое время года? Каждый понимаетъ всю нетактичность подобнаго несвоевременнаго предпріятія. Разсчитывать на быстрое окончаніе военной кампаніи и несомнѣнно благоприятной исходъ ея было нѣсколько рискованно, и дѣйствительность показала тоже самое: Курсунъ была взята только послѣ продолжительной осады и то благодаря измѣннику Анастасу. Въ случаѣ же неудачи предпріятіе похода противъ зимы пресѣкало бы путь къ отступленію; и русскому войску предстояло бы или лечь костью или подвергнуться той печальной участи, какую испытали воины Святослава при зимовкѣ въ Бѣлобережьи. Пожалуй еще такой „отважный и блестящій рыцарь“ или же „искатель приключеній“,

¹⁾ См. Ип. лѣт. 182—184, 188 и 191 стр. Ср. 217 и 140—141 стр.

какъ Святославъ Игоревичъ, могъ предпринять рискованный походъ при наступленіи зими, но Владиміръ „ни малѣйше неудалый рыцарь“, но государь-строитель и собиратель земли ¹⁾, осмотрительный и благоразумный, рѣшился ли бы на предпріятіе крайне сомнительное и неблагоприятное? Конечно прежде похода нужно было обдумать относительно его все рго и сонга и безъ сомнѣнія противъ похода осенью могли явиться болѣе сильныя основанія, чѣмъ за него.

Кромѣ вышеуказанныхъ недоумѣвій защитникамъ лѣтописной повѣсти и ея хронологіи нужно разъяснить и устранить и слѣдующее.

На основаніи греческихъ и арабскихъ историковъ слѣдуетъ думать, что въ 988 г., когда, по лѣтописи, состоялся корсунскій походъ, Владиміръ не былъ врагомъ грековъ, а наоборотъ явился союзникомъ византійскихъ императоровъ въ ихъ борьбѣ съ бунтовщиками. Самое крещеніе св. Владиміра у грековъ и арабовъ поставлено въ связь съ политическими событіями того времени, о которыхъ русскіе историческіе памятники не знаютъ. Оказывается такимъ образомъ, что въ то время, когда, по сказанію лѣтописи и по илѣнію ея защитникомъ, Владиміръ воевалъ съ греками, въ то же самое время онъ, по извѣстію иностранцевъ, былъ другомъ Византіи. И это не въ концѣ 988 г., а несомнѣнно и въ самомъ началѣ; при томъ же заключеніе дружественнаго союза требовало конечно предварительныхъ переговоровъ. Какъ же теперь оправдать хронологію лѣтописи и примирить ея извѣстія съ извѣстіями грековъ и арабовъ?

Затѣмъ изъ тѣхъ же иностранныхъ источниковъ мы узнаемъ, что Константинополю еще съ конца 987 г. грозила серьезная опасность отъ бунтовщиковъ противъ императоровъ, время ли же было въ 988 г. думать о бракѣ царевны Анны съ Владиміромъ, о снаряженіи ея въ Корсунь, какъ передаетъ лѣтопись?

Напротивъ хронологія Іакова, относящаго корсунскій походъ 989 г., даетъ полную возможность помѣстить подъ 988 г. все,

¹⁾ См. Голуб. 1, 1, 134 стр.

что отнесено сюда греческими и арабскими историками и слѣдовательно находится въ полномъ согласіи какъ съ самыми событіями, такъ и извѣстіями о нихъ въ нерусскихъ источникахъ. Къ обзорѣ и оцѣнкѣ послѣднихъ, къ уясненію политическихъ событій, связанныхъ съ крещеніемъ св. Владиміра и Руси, намъ теперь и слѣдуетъ перейти.

Но для полноты оцѣнки сравнительнаго достоинства извѣстій лѣтописной повѣсти и „похвалы Володимеру“ мниха Іакова нужно обратить вниманіе еще на одно возраженіе.

Скажутъ: пусть монахъ Іаковъ писатель болѣе древній, чѣмъ авторъ лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра и Руси, пусть даже хронологія перваго точнѣе хронологіи послѣдняго; но за то лѣтописное сказаніе лучше „похвалы“ выясняетъ, такъ сказать, внутренній смыслъ событій—причины, побудившія Владиміра принять христіанство и крестить свой народъ, а также причины похода на Корсунь. Соловьевъ, напр., такъ и думалъ ¹⁾, а можетъ быть и теперь есть такіе люди, которые раздѣляютъ подобныя взгляды. Но въ настоящее время вопросъ о побужденіяхъ къ принятію христіанства Владиміромъ можно считать поконченнымъ; онъ такъ подробно и обстоятельно выясненъ проф. Голубинскимъ, что едва ли можно прибавить къ его словамъ что-нибудь существенное,—выясненъ конечно не въ интересахъ лѣтописнаго сказанія. „Нужно признать, говорить г. Линниченко, что всё тѣ стороны труда г. Голубинскаго, которыя онъ посвящаетъ разбору внутреннихъ душевныхъ побужденій, заставившихъ Владиміра принять христіанство, остаются въ полной силѣ“ ²⁾. Совершенно такою же взглядъ на аргументацію проф. Голубинскаго высказалъ и проф. Малининъ ³⁾. И г. Линниченко сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія противъ лѣтописи касательно побужденій къ принятію Владиміромъ христіанства ⁴⁾. Все вмѣстѣ, сказанное этими и другими изслѣдователями должно выдвинуть на первый планъ авторитетъ

¹⁾ Солов. I, 160 стр.

²⁾ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1886 г. III, 599 стр.

³⁾ Ibid. 664 и дал. стр.

⁴⁾ Ibid. 599—600 стр.

Іакова и конечно въ ущербъ лѣтописи.— Въ самомъ дѣлѣ, можно ли усумниться въ тѣхъ словахъ Іакова, что „благодать Божія просвѣти сердце“ Владиміру и онъ „вжада крещенія“ по глубокому убѣжденію въ великомъ значеніи христіанства для жизни народа?— Нужно отвѣтить, что въ данномъ случаѣ въ пользу мнѣха Іакова говоритъ такой древнѣйшій и авторитетный писатель, какъ митр. Иларіонъ, который, вопреки лѣтописной повѣсти, передаетъ, что Владиміръ увѣровалъ во Христа, не видя предъ собою никакого проповѣдника, никакихъ чудесъ, въ родѣ исцѣленія больныхъ, воскрешенія мертвыхъ, изгнанія ѡсовъ, „безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу, токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ одинъ“¹⁾. Государь, понявшій всю величайшую пользу пріятія христіанства для жизни народа. достоинъ сдѣлаться равноапостольнымъ и великимъ.

Можно ли отрицать и то побужденіе къ переимѣнѣ Владиміромъ вѣры, указанное Іаковымъ — пріимѣръ Ольги? Полагаемъ, всякій согласится, какое сильное вліяніе имѣлъ этотъ пріимѣръ на скорѣйшую рѣшимость Владиміра оставить язычество. Не потому только онъ былъ важенъ, что Ольга была мудрѣйшею изъ всѣхъ людей²⁾, какъ говорили, по лѣтописи, кіевскіе бояре Владиміру; а потому главнымъ образомъ, что Владиміръ самъ получилъ христіанское воспитаніе подъ руководствомъ бабки, о добромъ поступкѣ которой могли постоянно напоминать князю варяги христіане, — дружинники его³⁾, а также и его жены христіанки⁴⁾. Такъ естественны, такъ просты и понятны тѣ побужденія, которыя, по Іакову, заставили Владиміра переимѣнить вѣру. — Найдемъ ли столь понятное объясненіе поступка Владиміра въ лѣтописи? Едва ли. Недаромъ же защитники лѣтописи не могли достаточно выяснить, что

¹⁾ Митр. Иларіонъ писалъ между 1037--1050 г. Его слово о законѣ и благодати напечатано въ Прибавл. къ Твор. св. от. 1844 г. ч. II, см. 242 стр. Чтен. Общ. ист. и древн. 1848 г. № 7.

²⁾ Лѣт. по Ил. см. 74 стр.

³⁾ О значеніи варяговъ въ исторіи христіанства въ Кіевѣ см. ст. Малышев. въ Труд. Кіев. дух. акад. 1887 г. III т.

⁴⁾ У Владиміра было если не четыре, то три жены христіанки — гречанка, болгарка и чехиня (а можетъ быть и двѣ).

именно заставило Владиміра перемѣнить вѣру отцовъ. Побуждало ли честолюбіе—желаніе получить руку царевны Анны? Или же кievскаго князя убѣдилъ своею проповѣдію греческій философъ? Но въ такомъ случаѣ, почему онъ долго колебался и даже въ Корсуні, противъ которой и отправлялся въ походъ съ цѣлію креститься, не обнаружилъ особеннаго усердія къ принятію христіанства? Могъ ли человекъ, руководившійся мелочными и низкими расчетами, колеблющійся, нерѣшительный, перемѣнявшій вѣру случайно, а отнюдь не по сознанию необходимости такой перемѣны, — могъ ли сдѣлаться крестителемъ народа, насадителемъ христіанской цивилизаціи?!

Еще болѣе странны, указанныя лѣтописью, причины похода подъ Корсунь. „Извѣстно, говоритъ Васильевскій, какъ затруднялъ русскихъ изслѣдователей, начиная съ Карамзина, походъ Владиміра на Корсунь: извѣстно къ какимъ искусственнымъ и тонкимъ соображеніямъ прибѣгали они, чтобы сдѣлать его понятнымъ и естественнымъ съ точки зрѣнія внутренней вѣроятности“¹⁾. И все-таки сдѣлать его понятнымъ не удавалось. То мнѣніе, что Владиміръ хотѣлъ завоевать вѣру (какъ и выходило по словамъ лѣтописнаго разсказа) не могло удовлетворить и самихъ защитниковъ лѣтописи; вѣроятно каждый изъ нихъ понималъ, что завоеваніе вѣры дѣло несообразное, „недоумѣнный казусъ, единственный въ своемъ родѣ“²⁾, такъ что явилась мысль, что между перемѣною вѣры и походомъ подъ Корсунь нѣтъ никакой необходимой связи³⁾.

А когда была открыта „похвала Володимеру“ мниха Іакова, пр. Макарій, открывшій ее, призналъ, что въ ней причины корсунскаго похода указаны опредѣленнѣе и точнѣе, нежели въ лѣтописи⁴⁾. Это признаніе очень важно: мнихъ Іаковъ, писавшій не специально историческое сочиненіе, въ какихъ-нибудь десяти словахъ, ясно обозначилъ цѣль похода подъ Корсунь, между тѣмъ

¹⁾ Журн. Мин. Н. Пр. 1876 г. мартъ, 157 стр.

²⁾ См. Гол. I, 1, 109, Вѣстн. Евр. 1873 г. II, 23 стр.

³⁾ Несторъ, ист. крат. разс. Погодина, стр. 191—193 стр.

⁴⁾ Христ. Чт. 1849 г. II, 307 стр.

лѣтописная повѣсть, трактующая о крещеніи Владиміра и Руси на десяткахъ страницъ, передавала что-то непонятное объ этомъ походѣ, дѣлала его страшнымъ и необъяснимымъ, вводя въ заблужденіе историковъ. Полагаемъ, что въ этомъ признаніи одного изъ защитниковъ лѣтописной повѣсти, признаніи въ пользу извѣстій мнѣха Іакова, заключается одно изъ ясныхъ доказательствъ авторитетности этого писателя. Сопоставивъ слова Іакова съ извѣстіями греческихъ и арабскихъ писателей, мы увидимъ, какъ справедливо объясняетъ этотъ писатель цѣль курсунскаго похода.

Итакъ, повторяемъ, мнѣху Іакову по древности и по достоверности свѣденій, сообщаемыхъ имъ, безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ русской исторической литературѣ ¹⁾.

Н. Левитскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Къ древнѣйшимъ памятникамъ письменности, имѣющимъ отношеніе къ вопросу о крещеніи св. Владиміра и Руси, можно отнести церковный уставъ Владиміра, извѣстный въ трехъ редакціяхъ. Особенно близка къ лѣтописи вторая редакція, но она несомнѣнно подложная. И вообще подлинность устава Владиміра крайне сомнительна и многими отвергается. Проф. Голубинскій указалъ много признаковъ подложности этого документа (I, 1, 344—346, 530 и сл.). Помимо этого и примѣнительно ко второй редакціи устава можно отмѣтить слѣд. неточности. Въ уставѣ говорится, что Владиміръ принялъ благодать крещенія отъ митр. Михайла, о чемъ ни откуда неизвѣстно. По лѣтописи Владиміра крестилъ курсунскій епископъ. Уставъ говорить, что св. князь создалъ десятипную церковь по благословенію м. Михайла; но еще пр. Макарій замѣтилъ, что Михайлъ скончался до созданія этой церкви (I, 162 стр.)...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки